Александр Тарасов

Воспоминания о Памире

Красноярск, 2016 г.

Оглавление

Часть 1. Заречный 3

Часть 2. Кокуйбель, Кудара, Бартанг 26

Глава 1. Кокуйбель 26

Глава 2. Кудара 32

Глава 4. «Кто здесь не бывал, тот не рисковал, тот сам себя не испытал…» 37

Глава 5. «Железный» Сабирхан 42

Глава 6. «Здравствуйте, я ваш повар» 45

Глава 7. Ишак – друг геолога 46

Глава 8. «Переправа, переправа – берег левый, берег правый…» 49

Глава 9. «Мы так давно, мы так давно не отдыхали, нам было просто не до отдыха с тобой…» 52

Глава 10. В гостях у Усто-баши 56

Глава 11. Выезд с участка 59

Глава 12. Встречи - расставанья 60

Глава 13. День рождения – это праздник 62

Глава 14. Не хлебом единым…. 63

Глава 15. Свитер из верблюжьей шерсти 65

Памир, Памир, как много в этом звуке
для сердца моего слилось,
как много в нём отозвалось….
(*да простит мне А.С. Пушкин*)

Воспоминания о Памире

Часть 1. Заречный

Вряд ли какие другие горы были для меня, тогда ещё студента-четверокурсника горного факультета Красноярского института цветных металлов, более притягательными, загадочными, желанными, чем Памирские горы, Памир. Когда однажды весной 1981 года мой лучший друг Костя сказал, что в Пединституте, на другом берегу Енисея, будет лекция о Памире с показом слайдов, меня не надо было уговаривать. После занятий мы с ним сразу же поехали на эту лекцию. Два часа лекции-рассказа для меня пролетели незаметно. Впечатление было огромное, увлекательный рассказ и интересные слайды с высокими, заснеженными горами вдохновили не только меня. «Памир – крыша мира!» - рефреном носилось в голове снова и снова.

- Вот бы попасть на Памир или в Тянь-Шань после института, поработать там, - сказал Костя, когда мы с ним вышли на улицу.

- Да, это было бы классно, - согласился я с ним. – Но как туда попадёшь? У нас ведь нет распределения в Таджикистан.

Если б я знал тогда, что всего через два с половиной года я буду смотреть из иллюминатора самолёта на Памирские горы, Но не зря говорится: «Мечтайте! Мечты сбываются!» Видимо, сильно мы тогда с другом мечтали попасть на Памир, потому что не прошло и два года, как волею Судьбы мы с ним оказались в Таджикистане. Он устроился в ГПСЭ, а я – в ЮГФЭ. Отработав сезон 1983 года в Каратегинской партии в Южном Тянь-Шане, я с помощью новых друзей-геологов устроился в Памирскую ГРЭ.

И вот в середине ноября 1983 года я переступил порог кабинета главного геолога ПГРЭ. Геннадий Сергеевич Аверьянов встретил дружелюбно, подвёл к большой геологической карте ГБАО и спросил:

- Ну, куда хочешь поехать на работу?

- Я молодой, неженатый, мне куда-нибудь подальше и повыше, - ответил я, с интересом разглядывая геолкарту с маленькими флажками полевых участков.

- Подальше, говоришь. Тогда поедешь вот сюда, - сказал Аверьянов и ткнул концом ручки в самый дальний край карты, - на участок Заречный. Там ведётся разведка оловянного рудопроявления. Согласен?

- Да, мне подходит, - ответил я.

Начальник Аксуйской партии, в которую меня зачислили старшим техником-геологом, в двух словах объяснил мои новые обязанности: «Там будет старший геолог партии, он тебе всё расскажет и покажет», потом распорядился насчёт

спецодежды, «А спальник получишь на базе экспедиции, в Мургабе. Полетишь завтра».

* * *

На следующее утро я вылетел самолётом ЯК-42 по маршруту Душанбе-Хорог-Мургаб. Пассажиров было немного, половина из них вышла в Хороге, и в Мургаб полетели пять или шесть человек.

- Если бы не было почты, нас бы тоже высадили здесь, - сказал мне смуглолицый попутчик, - и пришлось бы ехать дальше на попутках.

Я во все глаза рассматривал через иллюминатор разворачивающуюся панораму величественных гор. Вдалеке, за Пянджем, на афганской стороне белел большим массивом хребет Хырс-Сафед («Белый медведь»). Самолёт взял курс на восток. Чтобы лёгкий, почти без груза, самолёт не швыряло ветром, лётчики снизили его ниже вершин гор и вели над долиной реки. Такого я ещё никогда в жизни не видел – горы были не где-то там внизу, ниже облаков, а вот здесь, рядом. Казалось, что самолёт крылом вот-вот заденет за их острые скалы. А вершины гор были гораздо выше самолёта! Чтобы их увидеть из иллюминатора, надо было задирать голову вверх! Потрясающе!

Выйдя из самолёта на небольшом аэродроме в Мургабе, я почувствовал лёгкость в дыхании. Светило яркое солнце, день был ясный и чистый, безоблачное синее небо безкрайним куполом накрывало цепи небольших гор. От такого красивого вида, от лёгкости дыхания, от приятного осознания того факта, что, вот, наконец-то моя мечта сбылась – я на Памире! - у меня началась эйфория. Было очень радостно, мне хотелось прыгать, кричать…. Это состояние, наверное, и было моментом счастья. Такое запоминается на всю оставшуюся жизнь.

Небольшой городок Мургаб (по таджикски – Мургоб, «водяная курица», то есть «утка») вольно раскинулся в широкой долине одноимённой речки на высоте свыше 3,5 км над уровнем моря. Мургаб запомнился белыми одноэтажными домиками, разбросанными хаотично, без какой-то правильной планировки. Среди них, повыше, на пологом склоне, ближе к горам, за белым бетонным забором располагались двух-трёхэтажные дома военного городка. Главная улица, она же шоссе Памирский тракт, разделяющая городок на две части, верхнюю и нижнюю, привела меня к просторной базе Памирской ГРЭ. Оттуда на бензовозе я вскоре доехал до участка Заречного.

Посёлок геологов ПГРЭ расположился на левом берегу речки Аксу («Белая река»; о том, что означает это название, я узнаю позже, зимой, когда река вся промёрзнет до дна).

Восточный Памир. Левый борт долины р. Аксу. Панорама участка Заречного, ноябрь 1983 г.

Небольшая речка в этом месте неспешно течёт с юга на север по широкой, явно постледниковой, троговой долине, устланной коричневато-серыми аллювиально-пролювиальными отложениями. Ни деревца, ни кустика, лишь местами в пойме речки видны «полянки» очень редких травянистых кочек, одна от другой в нескольких метрах. За краями долины начинаются отроги сравнительно невысоких безлесных, скалистых гор.

Долина р. Аксу и горы к востоку от Заречного. Внизу, на берегу речки - посёлок геологоразведчиков

Посёлок небольшой, состоит из двух рядов жилых строений: первый ряд, ближе к речке, формируют небольшие деревянные балк***и*** – это, если можно так сказать, «лицо» посёлка, его «главная» улица. Второй, за балками, – обозначен приземистыми палатками, скаты которых уже давно побелели от жгучего памирского солнца. На левом конце посёлка, если смотреть от речки, расположились столовая, пекарня, склад-магазин, за ними – клубный барак, ещё дальше – промсклад за хилым дощатым забором.

От посёлка к совершенно голой, без единого деревца и кустика, горе, раскинувшей свои серые отроги полукольцом, как бы охватывая посёлок слева и справа, ведёт полевая дорога. Она небольшим белёсым серпантином поднимает-

ся к середине горы. На дальнем её конце, справа, виднеется конус отвала горных пород – там вход в штольню. Высотная отметка устья штольни – 3825 м.

Найдя начучастка, я, как полагается, представился, что вот, мол, прибыл и готов приступить к исполнению обязанностей. На что тот почти равнодушно сказал: «Устраивайся, привыкай, пройдёшь акклиматизацию, тогда и приходи» и показал на один из балков: «Там есть свободное место, заселяйся».

* * *

Акклиматизация моя началась уже той же ночью и длилась около трёх суток. Состояние организма было паршивое – голова тяжёлая, будто из свинца, ноги ватные, слабые, ходить куда-либо вообще не хотелось, есть не хотелось, часто подступала тошнота до рвоты. Лежал на койке в полузабытьи. Свет был не мил, временами думал, что помру - так было плохо. Эти дни помню смутно... Сосед по балку, старый бурмастер, давал каких-то таблеток…

Очнулся на третий день, еле-еле, шатаясь от слабости, выполз из балка. Голова уже почти не болела, но ещё кружилась, и всё тело ещё было каким-то вялым, не моим. Посидел на крылечке, подышал освежающим осенним воздухом, потом потихоньку пошёл вдоль ряда балков, по «главной» улице, оглядывая окрестности. Потом поплёлся на берег Аксу, там долго сидел на обрывистом уступе, глядя на текущую воду, на голые горы за унылой долиной, на белёсое позднеосеннее небо. Постепенно голова прояснилась, перестала кружиться, мой взгляд стал осознанным – жизненная сила возвращалась ко мне.

Обратно к балку дошёл уже уверенной походкой, почти не шатаясь. К вечеру появился аппетит, впервые за все дни сходил в столовую, поел…

На следующее утро, найдя балок старшего геолога участка, познакомился с Владимиром Георгиевичем Рубановым.

- Ну, что, оклемался? – спросил тот.

Я кивнул головой.

- Тогда поговорим о деле, - старший геолог развернул на столике у подслеповатого, затянутого снаружи полиэтиленовой плёнкой окна геолкарту рудопроявления.

После беседы Рубанов сунул мне в руки томик третьего экземпляра проекта:

- Почитай геологию, а после обеда съездим на штольню, покажу тебе фронт работ.

* * *

Так начались мои рабочие будни на Заречном. Кинули меня сюда, как я позже узнал, вместо выехавшей в отпуск геологини Наташи. Помимо меня на участке была ещё некоторое время техник-геолог из Москвы, молодая, невысокая, полная женщина, она занималась канавами – документировала, опробовала. Вскоре после Нового года она уехала…

Участок Заречный, ноябрь 1983 г.

До того момента я никогда не был в штольне, не работал на разведке. И вообще мой стаж был почти нулевым, если не считать двух производственных практик и предыдущего полевого сезона в рекогносцировочном отряде ЮГФЭ на Каратегинском хребте (туристическая прогулка по высоким горам с элементами научно-тематической геологии). А здесь же на меня «повесили» ведение разведочной штольни на перспективном рудопроявлении, которое, по мнению старших коллег, вполне могло стать месторождением. Работа была не сложная, но очень ответственная и занимала всё моё свободное от сна время.

- Штольню надо вести по жиле, чтобы получить максимальную информацию о строении рудного тела и содержаниях в нём олова; документировать и опробовать забой через полтора метра, то есть после каждой отпалки, - приказал Рубанов.

Это значило, что я должен три раза в сутки, в начале первой, второй и третьей смен, съездить на штольню и, пока проходчики откатывают породу после очередной отпалки и крепят свод и стены рудстойкой, успеть задокументировать забой, стенки и кровлю, отобрать образцы, наметить интервалы опробования, а опробщики должны успеть отобрать бороздовые пробы. Потом вернуться в посёлок, чаще – пешком эти полтора километра, перенести документацию с черновика в чистовой журнал потому, что с чистовым в штольню не сунешься, потом обработать очередные пробы и образцы. Ещё - составить сводку по проходке штольни за сутки для начучастка, которую тот каждое утро передавал по рации в контору экспедиции.

А ещё на мне, как на самом молодом из нас двоих с бурмастером, лежала обязанность ежедневно приносить с речки в балок ведро воды для утреннего умывания и для чайника. Это нетрудно, но зимой, когда вдарили морозы, и Аксу вся промёрзла до дна, эта процедура стала занимать около часа времени, так как сначала надо было наколоть лёд, сложить его в ведро, а потом растапливать на печке. Из ведра колотого льда получалось полведра воды. На кухню и в баню воду ежедневно привозили на водовозке с погранзаставы километров за двадцать…

Ещё в мои обязанности по балку входило топить небольшую чугунную печку, для чего необходимо было приносить одно-два ведра угля каждый день. Это тоже нетрудно, но долго. Уголь привозили из киргизского Ангрена, плохого качества, в печках он не горел, возможно, по причине нехватки кислорода в воздухе – высота всё-таки. Вдобавок к этому он был пересыпан снегом, так как везли его грузовиками через киргизские и северо-памирские перевалы. Сваленный в большие кучи на промскладе он на морозе смерзался в сплошную тёмно-серую массу. Приходилось сначала ломиком расковыривать эту смёрзшуюся кучу, а потом долго выбирать по кусочку из этой кучи плохого, матового угля редкие куски блестящего антрацитоподобного угля, который горел.

Короче говоря, коррида для меня началась ещё та. Белка в колесе крутится, я думаю, медленнее, чем мне пришлось крутиться в ту зиму на Заречном, чтобы всё успевать сделать. Постепенно втянулся в этот сумасшедший ритм, стал успевать. Дни полетели, как листья в сильный листопад. Выходных, конечно, не было. Для меня бывали редкие непредвиденные «выходные», когда в штольне что-то ломалось и одну-две смены проходчики стояли: то дизель выйдет из строя, не выдержав работы на износ в условиях разреженного воздуха высокогорья и сильных морозов, то рудстойка закончится неожиданно для проходчиков, а новой не подвезли, потому что дороги дальние, то взрывчатку не успеют подвезти со склада ВВ из-за поломки машины…

* * *

К концу декабря я подустал, сказывался бешеный ритм работы и короткий световой день. Однажды я решил не ехать в первую, ночную, смену на штольню, а покамералить – надо было подготовить небольшой отчётик по проделанной работе к концу года, и хотелось пораньше лечь спать, чтобы выспаться. Подумал: «Жила идёт прямо, ничего страшного не будет, если я пропущу одну отпалку…»

Но известно - где тонко, там и рвётся. Наутро поднимаюсь в забой и узнаю, что за две предыдущие смены проходчики сделали три отпалки вместо обычных двух! Спешат к концу года выполнить план. Это по-человечески понятно - им тоже хочется годовую премию получить, чтобы, так сказать, хлеб не только с маслом, но и с икоркой… Получается, что я не задокументировал и не опробовал целых четыре с половиной метра штольни! Но это ещё полбеды. Я смотрю на забой и не вижу жилы! Вот это да! Вот это сюрприз! Я хорошо помнил приказ Рубанова «Штольню вести по жиле!» А жилы нет!

Начинаю разбираться, куда же она подевалась. Смотрю по кровле и вижу, что примерно в трёх метрах от забоя жила сместилась по тектонической поструд-ной трещине влево и изменила азимут простирания с западного на юго-западный. Следовательно, чтобы штольня прошла по жиле, надо повернуть штольню влево!

А вокруг меня снуют проходчики, уже крепят рудстойкой стены и кровлю: «Не мешайся! Нам надо план гнать!» Эта смена тоже не хочет отставать от предыдущих, им тоже хочется хлеба с икоркой.

Когда я сказал бригадиру проходчиков, что надо остановить проходку и повернуть штольню, он посмотрел на меня, как на врага народа, и послал трёхэтажным к известной матери. Я ему напомнил о приказе вести штольню по жиле, на что он ответил, что «этот приказ ему не указ, ему нужны только метры». И, чтобы я осознал твёрдость его позиции, ещё раз послал меня туда же. Ругаться с проходчиками мне не хотелось, я их прекрасно понимал, так же, как и свою вину в том, что прохлопал ушами и упустил жилу из забоя.

Но приказ «штольня должна идти по жиле!» для меня никто не отменял. И тут я вспомнил совет Рубанова: «Если будут проблемы с проходчиками, пиши своё распоряжение в журнале распоряжений, ставь дату и подпись и покажи горному мастеру. Дальше – его забота. Он обязан выполнить распоряжение участкового геолога».

Я так и сделал – пошёл в конторку горных мастеров рядом с устьем штольни, нашёл этот журнал, написал в нём о необходимости поворота штольни и показал горному мастеру. Тот тоже стал ругаться трёхэтажным матом, но я не стал слушать его монолог до конца, а пошёл сам… в посёлок. Мне в забое на пару смен делать было нечего…

Я тогда по молодости и неопытности не понимал, что значит – повернуть штольню. Я наивно полагал, что у проходчиков есть всё необходимое для этого, и что им заплатят за их труд…

Когда же я вновь поднялся в штольню, то ещё на полпути к забою услышал глухие удары металла по металлу. Подойдя к месту поворота, я увидел, что мужики вручную пудовыми кувалдами гнут рельсы! Они хоть и тонкие, узкоколейные, но всё же это рельсы! И как немного позже сказал мне горный мастер, проходчикам заплатят только за продолжение штольни от того метража, где она была остановлена, а за поворот – нет! И ещё он добавил:

- Раньше был Наташин поворот, а этот будет Сашин поворот!

Понятно, гордиться мне тут нечем, но такова проза тех напряжённых рабочих буден…

Помню, однажды иду я по штольне к забою, налобный горняцкий фонарик на каске высвечивает пятнами то стенки, то пол, то кровлю. Вдруг на одном длинном, прямом участке с удивлением вижу, что кровля почему-то прогнулась – столбы как бы короче стали, а перекладины – ниже, будто просели плавно так, постепенно, но отчётливо видно со стороны. Ещё подумал по неопытности: «Странно, рудстойка короткая, что ли, на этом участке попалась?» И сам же себе возразил:

«Да такого быть не может - она же вся одной длины». Проходя под просевшей кровлей, услышал редкое, слабое потрескивание. И тут меня осенило: «Так это же скалы трещат!», и холодок по спине: «Гора давит!»

Сделав свою работу, на выходе из штольни встретил горного мастера и сказал ему про увиденное.

- Да, видел, горное давление, надо штольню закрывать, пока не завалило мужиков, - ответил опытный горняк.

На следующее утро штольню закрыли.

Ждать пришлось недолго. Через день или два, во время очередного мелкого землетрясения – они в горах Памира случались часто – произошёл обвал в том месте, горная масса завалила метров двадцать штольни. Слава Богу, что никто не пострадал…

Я потом видел этот завал – огромная куча глыб, а над ней – грот высотой метров десять! Пришлось делать обход завала….

* * *

Незаметно подошёл Новый 1984 год. Выпадало три праздничных дня безделья. К этому моменту я уже отработал полтора месяца почти без выходных, и хотелось нормально отдохнуть. А на участке никакой культурной программы, кроме совместной пьянки, не предвиделось. А ещё мне хотелось вырваться в цивилизацию, чтобы повидать друзей-геологов из ЮГФЭ, с которыми работал летом в Каратегине. Начучастка на мою просьбу отпустить в отгул не возражал: «Валяй! Три дня ты мне здесь не нужен, но на четвёртый – чтобы как штык был на рабочем месте». Но ещё требовалось получить согласие начальника партии. Начучастка послал в контору радиограмму с запросом о моём выезде, но ответа не было. Драгоценное время отгула утекало, как песок в песочных часах, и я решил ехать без согласия начпартии. Это было в моём характере – не слушаться начальство, которое я не уважал.

Добравшись на попутке до экспедиционной базы в Мургабе, я узнал, что в Душанбе вот-вот отправится небольшой автокараван – погонят одну неисправную машину, вторая пойдёт сопровождающей. Эту оказию упустить было нельзя, так как последний самолёт в Душанбе уже улетел, а следующий - только в следующем году. Механик Казбек, ответственный за перегон машин, согласился взять меня в попутчики. Пока около часу пытались завести неисправный ГАЗ-66, таская его по просторной базе на буксире, прибежал радист и сказал, что начпартии запретил мне выезжать с участка. Что делать? Возвращаться назад, не солоно хлебавши, не хотелось - я мысленно был уже в Орджоникидзеабаде с друзьями. Ослушаться и не выполнить приказ начпартии сулило неприятности. Радист спросил, что ответить на радиограмму начпартии. Пришлось пойти на хитрость:

- Скажи, что ты меня не нашёл, что я уже уехал, - сказал я ему и заскочил в кабину заведённого ГАЗ-66.

Неисправный ГАЗ-66 ехал медленно, мотор часто чихал, на подъёмах почти не тянул, глохнул, его каждый раз заводили с толкача. Вскоре он заглох окончательно. Машину взяла на буксир вторая машина, тоже 66-й. Ехали медленно весь световой день и только к ночи добрались до Аличура. Назавтра - уже 31-е декабря, и перспектива встретить Новый год где-то на Памирском тракте вырисовывалась вполне реальная. Это меня, конечно же, никак не устраивало. Переночевав в заежке для дальнобойщиков, я сказал Казбеку, что дальше поеду сам на какой-нибудь попутке - углевозы ходили часто. На одном из них я быстро доехал до Хорога, успев на послеобеденный авиарейс до Душанбе.

Когда я ввалился в камералку Аксуйской партии, там уже вовсю шло праздничное гулянье. Начпартии не удивился, увидев меня, а только повёл носом:

- О! Этот – с Заречного.

Дело в том, что вся моя одежда сильно пропахла запахом мумиё. Я сам не замечал этого потому, что привык к нему - в нашем балке всё пропахло им. А для конторских он был отчётливо уловим. Начпартии проявил лояльность и не стал в праздничный вечер портить мне настроение выговором за нарушение его приказа, за что я ему был благодарен.

Отметившись в конторе, я поехал в Орджоникидзеабад, к друзьям из ЮГФЭ, и замечательно с ними встретил Новый год. Новогодней ночью, всем на удивление, с низких набухших туч повалил густой снег и покрыл толстым покрывалом всё вокруг – и улицы, и крыши домов, и кроны деревьев. Это было очень приятно, почти сказочно - я вроде бы оказался в родной Сибири. Уйдя под утро от друзей, я долго бродил по улицам по этому снегу, не желая расставаться с новогодней сказкой….

* * *

Возвращался я обратно на Памир самолётом через Ош, а оттуда дальше предстояло ехать на попутке до Мургаба. С конторы туда же собирался ехать один молодой геофизик. Начпартии мне сказал:

- Полетите вместе, он через Ош уже летал, вдвоём будет надёжней. В Оше найдёте нашу базу, переночуете, с утра – в ПАТО, а оттуда на углевозе до Мургаба за день доедете.

Меня такой расклад вполне устраивал. Но в аэропорту у парня пропал паспорт, возможно, его выкрали из заднего кармана джинсов, куда тот его безпечно засунул. В итоге я полетел один.

В аэропорту Оша я сел в такси и уверенно сказал:

- На базу Памирской экспедиции!

Парень-таксист улыбнулся:

- Хорошо, дорогой, поехали!

Я наивно полагал, что все таксисты в Оше знают, где находится база известной всем Памирской экспедиции. Но оказалось, что этот не знал. Мы исколесили пол-Оша, нашли все конторы, которые так или иначе имеют отношение к

геологии или изысканиям, но базы не было. В конце концов, часа через полтора езды мы нашли её на южном краю городка. Она оказалась совсем маленькой, с незаметной вывеской у ворот, такую нетрудно проехать мимо.

Наутро сторож показал мне, где находится ПАТО (Памирское автотранспортное объединение), оказалось совсем недалеко. У ворот я голоснул углевоз, забросил рюкзак на уголь в кузове, сел в кабину, и мы поехали. Водитель-киргиз постепенно разговорился, и часы долгой дороги потекли незаметно. Баек про стаи красных памирских волков, которые зимой очень голодные и потому наглые и злые, и могут даже атаковать машину среди бела дня, если она по какой-то причине остановилась, чтобы съесть всех несчастных, оказавшихся в их осаде, я наслушался вдоволь. Видимо у водил-дальнобойщиков Памирского тракта была такая традиция - пугать новичков, чтобы поездка сахаром не казалась.

Поддерживая неспешный разговор, я с удовольствием созерцал проплывающие мимо горные пейзажи - горы, горы и только горы! Покрытые снегом, холодные, безжизненные. А между гор - ущелья с замёрзшими ручьями и речками, над которыми по врезкам на крутых горных склонах проплывал Памирский тракт. Запомнилась широкая заснеженная Алайская долина с погранпунктом на краю кишлака. Потом – огромное озеро Каракуль, огибая которое машина долго ехала по плоской котловине. На перевал Ак-Байтал («Белая Лошадь»), самый высокий на всём Памире – 4655 м над уровнем моря, грузовик-углевоз поднимался медленно, натужно воя мотором. «Воздуху мало, мотор плохо тянет» - пояснил водитель. В Мургаб приехали уже затемно…

* * *

Зимовку на Заречном в начале 1984 года я запомнил на всю жизнь. Дело в том, что в ту зиму впервые руководство ПГРЭ решило участок не закрывать, как было в предыдущие годы, а провести эксперимент на выживаемость – смогут ли люди и техника в тех высокогорных, зимних условиях работать и выполнять план.

Для стимуляции работников к выполнению плана организовали так называемый бригадный подряд, когда все работники одной смены, от горного мастера и проходчиков до слесарей и электриков, были объединены в одну бригаду, оценка работы которой и, соответственно, оплата труда, осуществлялась по количеству пробитых метров штольни. То есть, вся бригада получала в зависимости от того, сколько метров пройдут проходчики за месяц. И ещё устроили соцсоревнование между бригадами, чтобы план выполнялся любой ценой!

И это в условиях зимы, когда горные перевалы периодически закрывались из-за снегопадов, отчего страдало снабжение всем необходимым удалённого почти на 900 км участка, когда техника не выдерживала нагрузок: из-за нехватки кислорода в разреженном воздухе высокогорья ДЭСки выдавали половину от своей номинальной мощности. Из девяти ДЭСок к концу января - началу февраля осталась в рабочем состоянии одна! Если мне не изменяет память, это была чехословацкая Nova. Она обеспечивала электричеством штольню – работа компрессоров,

освещение, вентиляция, и одну фазу кинули в посёлок – только на освещение. Напряжение в электросети посёлка было такое низкое, что на стоваттную лампочку можно было смотреть спокойно, не моргая, и сквозь колбу была видна слабо нагретая красная спиралька.

Самодельные «козлы», которые позволяли поддерживать плюсовую температуру в балках, электрики конфисковали, чтобы у «несознательных граждан» не возникло желания включить его хотя бы на ночь, потому что иначе «последняя ДЭСка может крякнуть, и тогда всему участку хана!». А морозы по ночам достигали 30-35 градусов по Цельсию! Да ещё постоянные сильные ветра, которые выдували последнее тепло из балков и палаток, шурша по ним песком и мелкой дресвой….

Как я уже говорил, рабочие зимовали в палатках. Они были утеплённые, с двойными стенами и крышей, внутренний слой был из байки, По периметру оснований снаружи палатки были засыпаны землёй, чтобы не поддувал ветер. Внутри, слева от входа, стояли печки, которые топились круглосуточно. Однажды ночью я услышал сильные крики и, выскочив из балка, увидел, что одна из палаток горит. Как потом выяснилось, от сильно натопленной печки загорелась промасленная роба, повешенная для просушки недалеко от печки. Люди не пострадали…

Наш балок тоже был утеплён - оббит рубероидом в три слоя, два маленьких окошка затянуты полиэтиленовой плёнкой тоже в три слоя, отчего сквозь них ничего не было видно, и солнечного света проникало внутрь балка лишь половина. Маленькая печка возле двери более-менее грела, пока в ней горел уголь, но к середине ночи она прогорала, а к утру балок остывал настолько, что чай в кружке на столе у окошка замерзал. По утрам требовалось некоторое усилие воли, чтобы заставить себя выскочить из тёплого ватного спальника в промороженное пространство балка и быстро-быстро надеть на себя всю остывшую одежду вплоть до полушубка и шапки-ушанки, а уж потом начинать растапливать печку.

Для растопки печки требовалось хоть немного дровишек, но где их взять в высокогорной пустыне!? Специально дров для обогрева жилищ нам не привозили, так как весь посёлок обогревался угольными печками, поэтому желающих поживиться дровишками было много. Приходилось таскать втихаря с промсклада обломки досок - все так делали, потому что больше негде было взять дровишек. Начальство участка это понимало и особо не гоняло, лишь бы на глаза не попадался.

И вот однажды я пошёл в очередной налёт на промсклад с целью разжиться обломками досок. Привычно пролез через дыру в заборе, подошёл к небольшой куче досок, но обломков не нашёл, видимо уже все подобрали до меня. Недолго думая, вытащил из кучи кривую горбылину, на мой взгляд, ни на что более не годную, как только на дрова, и обратным ходом пошёл с ней на плече. Только вывернул из-за угла забора промсклада, как навстречу мне идёт всё начальство участка да ещё с Г. С. Аверьяновым и начпартии во главе! Вот попался! Картина Репина «Приплыли!» А я и слухом не слыхивал, что приехала комиссия с проверкой…

В этот момент начучастка о чём-то разгорячено говорил с главным геологом экспедиции. Я уловил лишь, что речь идёт о нехватке рудстойки на штольне, которую по какой-то причине не успевали подвозить, отчего проходка тормозилась, и план не выполнялся. И тут я с доской на плече!

- Вот, посмотрите, Геннадий Сергеевич, что творят! – торжествующе негодуя, сказал начучастка, - тащат среди бела дня!

Как будто я рудстойку нужную тащил, а не кривую горбылину.

- Неси обратно, - хмуро приказал Аверьянов.

Пришлось возвращать доску на место….

* * *

Длинными зимними ночами, когда темень, мороз и сильный ветер отбивали всякую охотку высунуть нос из балка, в посёлок стали наведываться памирские красные волки. Об этом можно было только догадываться по поведению поселковых собак – они вдруг начинали истошно лаять, потом визжать, потом чей-то визг внезапно прерывался на полуноте, а утром недосчитывались какой-то дворняжки. И никаких следов – снега-то ведь нет. За несколько ночных визитов волки поели почти всех наших собак. Иногда в ночи раздавался далёкий хлёсткий выстрел, другой – это в соседней чабанской стоянке чабан из карабина отстреливался от волков.

Мой сосед по балку, бурмастер - старожил Памира, рассказывал то ли байку, то ли быль, поди - проверь, что, мол, однажды красные волки во время бурана загрызли пятерых солдат пограничников. Те возвращались днём из увольнительной пешком с соседнего кишлака на погранзаставу, и попали в сильный буран. Ветер в ушах свистит, снег бьёт в лицо, ничего не видно… Шли гуськом друг за другом…. А волки тихо подошли сзади и одного за другим всех порвали. Никто не убежал, видимо, не слышали крики друзей. Останки их тел потом нашли на тропе, лежащих один за другим… Жуть!

Однажды, после одной из таких разбойных ночей с далёкими выстрелами, когда у меня выдалась пара свободных часов перед обедом, я решил прогуляться по долине речки в сторону ближней чабанской стоянки. Шёл, шёл по пустынному берегу слабоизвилистого русла замёрзшей реки, вдруг вижу – впереди что-то буреет на самом краю берега. Зимняя степь белёсо-серая, а тут какое-то бурое пятно, издалека приметное. Подошёл, смотрю, а это туша огромного волчищи – лежит на боку, распластав сильные лапы, как в прыжке, большая голова с оскаленной зубастой пастью запрокинута набок, длинный хвост-полено вытянут, густая бурая шерсть уже слегка запорошена снегом. Пнул ногой по лапе – он весь околевший, как бревно, лежит. Видимо, как бежал прыжками по берегу, пуля из чабанского карабина его настигла – так он распластался и застыл. Меткий выстрел, надо заметить – ночью, да по стремительно бегущей цели…

* * *

Всю зиму, несмотря на морозы и ветра, мимо устья штольни проходила семья диких козлов - кииков. Они шли по тропе слева, если смотреть на устье штольни, потом проходили по-над устьем и уходили направо вверх, к гребню водораздела. Их не пугали ни рёв дизелей – дизельная была рядом с устьем штольни, ни снующие на площадке перед устьем люди, ни вахтовка и бензовоз, подъезжающие в это время на площадку. По ним можно было сверять часы – они проходили над устьем штольни ровно в восемь часов утра.

Впереди всегда шёл крупный вожак с огромными загнутыми рогами, он шёл уверенно, не останавливаясь, с гордо поднятой головой. За ним шли несколько рогатых самцов, потом – безрогие самки, замыкала процессию низкорослая молодёжь. Козлов было штук пятнадцать-семнадцать….

Это походило на какой-то мистический ритуал – встреча представителей дикой природы, вольных горных кииков, и людей, пришедших в этот Богом забытый уголок Памира терзать Матушку-Природу. Ритуал проходил безмолвно, никто его не нарушал - ни люди не обращали внимания на козлов, видимо. уже привыкнув к их ежедневному проходу, ни киики не боялись людей и техники. Это было очень удивительно.

Как-то я, наивный, спросил у Рубанова в очередной его приезд:

- Козлы спокойно ходят мимо штольни, и никто их не стреляет – охотников нету, что ли?

- Тут погранзона, охота и любая стрельба запрещена, - пояснил тот.

Но я-то знал, что у него есть экспедиционный карабин и стал выпрашивать дать его мне, чтобы сходить на охоту на этих козлов. Он долго отказывал, пугая меня тем, что «как только кто-нибудь из местных киргизов увидит у меня карабин или услышит звуки выстрелов, так сразу и заложит, а милиция сразу конфискует экспедиционный карабин, и ему дадут по шапке…». После примерно месяца моих уговоров и обещаний, что «я уйду рано утром в обход горы на другую её сторону, где никто не ходит, что оттуда не слышны будут выстрелы, что на обратном пути я спрячу карабин далеко от посёлка, где-нибудь под камнем и т. д. и т. п.» он наконец-то сдался.

И вот в начале весны, в одно раннее морозное утро я, надев резиновые сапоги, чтобы удобнее было лазать по скалам, и лёгкую куртку, чтобы не жарко было идти к месту охоты, вышел из балка. Было ещё совсем темно, все в посёлке ещё, конечно, спали, кроме, может быть, поваров, но те не выглядывали из кухни. Спрятав карабин под полой куртки, я быстро-быстро вышел из посёлка и направился по краю долины Аксу на юг, в обход горы.

Идти было около часу, не менее пяти километров. Повернув за южным мысом горного отрога на запад, вдоль подножия горы, я прошёл мимо небольшого метеоритного кратера, которого в едва начинающихся утренних сумерках не было видно. Тот кратер я уже исследовал раньше, ничего интересного в нём не было – небольшая, метров тридцать-сорок диаметром воронка в плотных тонкопесчаных отложениях с почти отвесными стенками высотой пять-шесть метров и плоским круглым дном. Может, это и не кратер вовсе…

Расширение долины р. Аксу к югу от Заречного

Я спешил - мне надо было обязательно успеть придти в сай за горой и занять охотничью позицию до восьми часов утра. Козлам требовалось не более пятнадцати-двадцати минут, чтобы пройти от штольни через пологий водораздел и спуститься в верховье сая. Это место я разведал ещё раньше, когда обследовал гору в поисках трещин и пещерок с мумиё. Тогда я нашёл здесь небольшую нишу в скале, в которой можно было сделать засидку как раз напротив козлиной тропы, проходящей по другому борту сая, и сейчас спешил укрыться в ней.

Я успел загодя, занял охотничью позицию в укрытии-нише, приготовил карабин и стал ждать. Моё кровожадное воображение молодого охотника рисовало мне такую сцену: вот на тропе напротив меня появляются козлы, медленно идущие цепочкой друг за другом. Я пропускаю красавца-вожака, выцеливаю кого-то из козлов-самцов, идущих за ним, нажимаю на спусковой крючок и бах! Готово! Козёл падает….

Время шло, а козлов не было. Ноги в резиновых сапогах сквозь шерстяные портянки уже стали замерзать от промёрзших скал, вспотевшая от быстрой ходьбы спина под лёгкой курточкой тоже уже почувствовала морозное покалывание – томительное ожидание явно затянулось. Через минут сорок, когда все расчётные и запасный сроки появления козлов на тропе прошли, и мои ноги в резинках окон-

чательно замёрзли, я начал понимать, что мой замечательный план не сработал, что-то пошло не так…

И тут я услышал знакомый свист, которым обычно козлы-вожаки оповещают своих четвероногих соплеменников о том, что видят вблизи людей. Но свист доносился не с тропы напротив, а далеко справа, с крутых скал в верховье сая! Вот так! Козлы обошли мою засидку сзади, по скалам, и теперь свистят мне с безопасного расстояния, мол, эй, там, внизу, горе-охотник, мы тебя видим! Как они меня учуяли заранее, мне до сих пор не понятно!

Спустя годы, когда подобных случаев неудачной охоты в моей короткой охотничьей биографии накопилось порядком, я понял, что Всевышний оберегает мою грешную душу от ненужных новых грехов… Как сказал один из героев моей сказки про пузырьков, Змейгорыныч: «Козероги и другие животные рождены, чтобы жить, у них тоже есть маленькие детишки, и съедать их – это плохо!»

* * *

Не рассказать о добыче мумиё в мою бытность на Заречном было бы несправедливо. Это незабываемая, интересная история. Мумиём занимались все или почти все, кто работал на Заречном. Да и как им не заниматься, ведь его там было столько, что… трудно даже представить, сколько… одним словом - очень много! А цена при продаже в розницу в Душанбе была пять рублей за грамм, а в России – до десяти рублей! Это за килограмм получалось пять-десять тысяч полновесных советских рублей! Знатоки поговаривали, что за килограмм «говнеца» в Душанбе можно было спокойно купить машину, а за три – квартиру! Так дорого оно ценилось! Даже для хорошо зарабатывающих проходчиков, которые при выполнении плана со всеми надбавками – районными, высокогорными, безводными, подземными, их в сумме накапливалось 120 процентов, даже песня такая была, про «сто двадцать процентов надбавки» – получали на руки около восьмисот рублей, прибыль от продажи мумиё была очень солидной добавкой к зарплате. Да и «для сэбэ» не помешает…

Но было одно существенное НО - это была незаконная деятельность! Как и любое другое частное предпринимательство или торговля, в те советские времена добыча и продажа мумиё пресекалась государством. На Заречном местная милиция иногда устраивала внезапные облавы – приезжали на нескольких УАЗиках, шмонали все балки и палатки. Они не спрашивали «Есть или нет?», достаточно было, зайдя в помещение, втянуть носом воздух, и сразу всё становилось ясным – характерный мумиёшный запах выдавал с потрохами, отпираться было безполезно. Возникал только один вопрос «Где спрятано?» Попасться с мумиём означало не только конфискацию дорогого «говнеца», но и грозило солидным штрафом…

Ещё проверяли наших зареченцев в аэропорту Мургаба, сам был свидетелем. Погранцы построили нас всех, кто с участка, – мы отличались внешним видом от «цивильных» авиапассажиров – в одну шеренгу на аэродромном поле,

приказали раскрыть рюкзаки и сумки, а таможенники начали их все перетряхивать. У кого находили мумиё, отводили в сторону, на рейс они уже не попали. У меня пласт на полкилограмма был завёрнут в несколько целлофановых пакетов, чтобы запаха не было, и засунут под рубашку на животе, за пояс. Кто-то из опытных товарищей подсказал мне, как надо сделать, спасибо ему. Не нашли, видимо, запаха не учуяли. А тех, от кого пахло, отведя в сторону, обыскивали….

Известное выражение «запретный плод сладок» очень хорошо подходит для ситуации с добычей мумиё на Заречном. Несмотря на риск попасться, работяги всё равно варили мумиё, уж больно куш был велик. И поэтому к тому времени, когда я тоже приобщился к этому интересному занятию, все ближайшие горы уже были проверены и всё найденное выскреблено. Приходилось, чаще всего, довыскрёбывать крохи, так сказать, некондицию. Но я умел и не боялся лазить по скалам – за плечами был некоторый опыт лазания по нашим Красноярским Столбам – поэтому иногда Фортуна улыбалась и мне. Если позволяло время, как я уже говорил, иногда выпадали «выходные» на одну-две смены, я уходил подальше и повыше в горы, туда, где вероятность находки мумиё была выше.

Однажды ушёл довольно далеко от посёлка и по едва заметному машинному следу подошёл к почти отвесной стене скал. На земле у основания скалы заметил крошки мумиё-сырца – мелкие обломочки камней с чёрными потёками на гранях. Значит, наверху где-то должен быть какой-нибудь занорыш или пещерка с мумиём. Но снизу ничего подобного не было видно. С трудом взобрался по скале метров на семь-восемь и вдруг увидел широкий вход в большую пещеру. Она была размером с большую комнату городской квартиры. И на всех её стенах, на полу и на потолке было мумиё! Вернее, уже его остатки… Кто-то раньше уже побывал в этой пещере и собрал всё мумиё! Я думаю, там было с машину….

Я подобрал с пола пещерки и, насколько хватало роста и длины моих рук, соскрёб со стен ещё на два бороздовых мешка! И, главное, качество «говнеца» было очень хорошее. С того «улова» до сих пор дома лежит классный образчик мумиё. А с тех двух мешков я наварил грамм триста чистого...

Многими годами позже, когда я работал в Монголии, в горах Монгольского Алтая и в Хангайских горах, я тоже искал и находил мумиё, но там оно не такого качества, как на Памире. Памирское лучше, на себе испытал.

* * *

Бег времени неумолим, и вот на смену ветрено-морозной и безснежной зиме в высокогорную пустыню Восточного Памира пришла такая же ветреная, но снежная весна. Видимо, влажные муссоны из уже нагретых весенним солнцем околопамирских низменностей пробились через горные хребты Западного и Центрального Памира и разродились обильными снегопадами над Восточным.

В начале апреля однажды снег падал из низких тёмных туч почти сутки, покрыв толстым белым саваном всё кругом – и посёлок, и долину Аксу, и горы. На

следующее утро небо очистилось, и под солнечными лучами снег засверкал своей первозданной белизной.

Выйдя из балка, я, уже привыкший за четыре долгих зимних месяца к неизменному уныло-серому виду зареченских окрестностей, ахнул от такой красоты – кругом только белый снег! И сразу вспомнилась родная Сибирь с её снежной зимой, катанием с горок на санках и прогулками по заснеженному лесу на лыжах… Ностальгия по родной снежно-зимней природе потянула вдаль, захотелось просто побродить по окрестностям без какой-либо цели, просто так….

К моей радости, в тот день было как раз воскресенье, то есть законный выходной. К весне нервозная напряжённость зимовки, а с ней и гонка за планом кончилась – участок благополучно перезимовал, впереди маячило долгое, беззаботное в этом отношении, лето. И те, кто не работал по сменам, вспомнили про законный выходной, один день в неделю - воскресенье.

И вот я, привычно прихватив геологический молоток – геолог всё-таки, а не турист какой - пошёл гулять по заснеженным просторам. За мной увязался поселковый пёс, последний из собачьих могикан, выживший от волчьих набегов жуткими январскими ночами. Ему, видимо, тоже надоело днями слоняться по посёлку и валяться возле начальничьего балка, захотелось поразмять лапы и дыхнуть вольницей безкрайних заснеженных далей. До этого момента мы с ним не дружили, но я в душе порадовался, когда увидел его рядом – вдвоём гулять веселее.

Путь мой пролегал через долину Аксу на восток, к закрывающему горизонт отрогу горного хребта в шести километрах от посёлка. Я давно мечтал забраться на него и оттуда посмотреть на триаду китайских семитысячников с горой Музтаг Ата («Отец ледяных гор») во главе.

Долина р. Аксу и горы за ней к востоку от Заречного. На горизонте – триада китайских семитысячников Музтаг-Ата

Их я увидел впервые с гребня «нашей» горы, когда возвращался после неудачной охоты на козлов.

Теперь мне хотелось глянуть на них поближе, чтобы лучше рассмотреть и сфотографировать. Эти три высоченные снежные

горы, похожие на огромные белые пирамиды, притягивали мой взор, словно магнитом. Напрямую до них было более семидесяти километров…

Горы к востоку от долины р. Аксу. На горизонте – массив китайских семитысячников Музтаг-Ата

Поднявшись на хребтик и налюбовавшись китайскими семитысячниками-красавцами – высота Музтаг Ата более 7500 метров над уровнем моря, две соседние вершины немного пониже, их склоны сверкают вечными снегами на фоне безкрайнего синего неба - я спустился с хребтика и пошёл дальше по широкому саю. Пёс рыскал недалеко впереди. Он уже пробежал каменную глыбу, из-под которой вдруг неожиданно выскочил заяц. Заяц был крупный, коричневато-светло-серого окраса. Спросонья он поскакал от меня в сторону пса, но тот его не видел и не слышал.

У меня сработал охотничий инстинкт – «дичь убегает, надо поймать!», и я машинально метнул геологический молоток, который нёс на плече. Я даже не успел это обдумать – «кидать или нет?», как рука уже метнула молоток в зайца. И попал! Сказался давний, ещё детско-юношеский, опыт игры в городки и «в банку». Длинная рукоятка молотка подкосила зайца под ноги, он мгновенно кувыркнулся через голову и, не сбавляя оборотов, с такой же скоростью понёсся в другую сторону. Пёс обернулся на звук падающего молотка и только тогда увидел зайца – он был явно не охотничий, нюха у него не было. Между ним и зайцем расстояние было не больше десяти-двенадцати метров.

Я мысленно уже довольно потирал руки: «Зайчишка мой!» и даже начал обдумывать, как лучше приготовить зайчатину…. Но заяц с такой перспективой для себя явно не был согласен, он, как говорится, «размотал ноги» и понёсся длинными прыжками по саю. Но и пёс не отставал, в нём, видимо, тоже взыграли спящие охотничьи гены. Был момент, когда расстояние между ними сократилось до четырёх-пяти метров. Казалось, ещё пару прыжков пса и он схватит зайца….

Я заворожено наблюдал за этой драматической погоней, подгоняя четвероногого охотника криками: «Ату! Ату!», «Догоняй!», «Хватай!». Но нет, страх придал зайцу дополнительные силы, он нёсся по ровной местности со скоростью курьерского поезда, постепенно увеличивая отрыв от преследователя. Через пару минут бешеной погони и заяц и пёс превратились в маленькие точки, за которыми клубился белёсый шлейф пыли. Они быстро скрылись из глаз в неровностях рельефа у подножия горы на противоположном краю широкого сая.

Немного постояв и поняв, что с зайчатиной пролетел, я пошёл дальше гулять вокруг горного хребтика и через три часа вернулся в посёлок. Пса не было до самого вечера. Лишь перед ужином он появился в посёлке, язык его болтался до земли, вид был усталый и виноватый. Я понял, что и он пролетел с зайчатиной…

* * *

Из развлечений на Заречном, помимо работы и заготовки мумиё, были ещё баня и кино. Когда я спросил у соседа-бурмастера, где в посёлке баня, он, грустно вздохнув, махнул рукой в сторону берега речки: «Иди прямо, там увидишь». Но в том направлении не было видно никаких построек, лишь только цистерна с солярой на санях. Иду к цистерне в недоумении - может за ней спрятался маленький банный балок? Бывают такие – на двух-трёх человек…

Вдруг вижу, как из-под земли рядом с цистерной появляется высокий, худой человек в чёрном, и что-то там копошится возле цистерны. Подойдя ближе, вижу, что это киргиз-кочегар в лоснящейся от соляры чёрной телогрейке, в таких же просоляренных чёрных штанах и в чёрной от солярной копоти шапке-ушанке на голове. Руки и лицо, итак от природы смуглые, да ещё в соляре и копоти - тоже чёрные. Белыми были только белки его глаз….

Спрашиваю у этого чёрного, чернее любого негра, киргиза, где тут баня? Он, загадочно улыбнувшись, показал вниз, в яму, из которой вылез: «Баня здесь. Только ничего не трогай – испачкаешься». Смотрю в яму и вижу дощатое сооружение типа землянки.

Спустившись по дощатым сходням, захожу в землянку, и сразу в нос ударяет густой запах сгоревшей солярки, будто к выхлопной трубе трактора подошёл. Скинув одежду в малюсеньком предбаннике, с некоторой опаской захожу в тёмную мойку, там запах солярки ещё сильнее. Он забивает нос, дышать нечем… При свете тусклой двадцатипятиваттной лампочки, едва-едва освещавшей сквозь сизый дым ближнюю к себе часть маленькой мойки, вижу вокруг черные от копоти стены, чёрный закопченный потолок, про пол и говорить не приходится. Короче говоря, баня по-черному типа а-ля-заречный…

Сразу вспомнил, как в юности, будучи у бабушки в архангельской деревне, тоже посещал баню по-чёрному, но там приятно пахло берёзовыми дровами, раскалённой каменкой и нагретыми бревенчатыми стенами. А рядом протекала речка с чистейшей холодной водой, в которую так здорово было нырнуть после бани…

А в этой бане-душегубке от дыма сгорающей солярки – печка-капельница из газового баллона стояла в углу и периодически шипела – глаза уже начали слезиться, и голова пошла кругом. Кое-как наспех обмывшись тёплой водой и, наверное, больше запачкавшись копотью, чем отмывшись, пулей выскакиваю наружу, на свежий воздух.

- Ну, как банька? – ехидно улыбаясь, спросил киргиз во всём чёрном.

- Для тебя пойдёт, - отдышавшись, бросаю ему на ходу.

Больше я в неё не ходил…

Кино крутили в клубном бараке, стоявшем на левом краю посёлка, за столовой. Кинопередвижка зимой приезжала редко, да и сидеть в холодном бараке полтора часа, пока идёт фильм, лишний раз никому не хотелось. При наступлении весны кино стали привозить чаще, раз в неделю, единственный сеанс был вечером, после ужина. Из будки кинопередвижки киномеханик с добровольными помощниками вытаскивали кинопроектор и круглые металлические банки с фильмом, заносили их в клуб. Кинопроектор ставили у задней стены, за рядами стульев, его луч проецировался на небольшой экран, висевший на передней стене.

Показывали советские фильмы разных жанров, чаще – про войну или революцию и комедии. Фильмы были на русском и таджикском языках. Я поначалу ходил, когда позволяла работа, но потом перестал – местный киномеханик чаще крутил фильмы на родном языке, ведь большинство зрителей его понимали. Мне смотреть известные фильмы с озвучкой на таджикском какое-то время было прикольно, но быстро надоело…

* * *

Весной по Заречному поползли слухи, что на границе не спокойно, что китайских лазутчиков-уйгуров ловят пачками. И вот однажды ударами в рынду - кусок рельса, подвешенный на толстой проволоке на столбе возле столовой - объявили общий сбор. Собрались все, свободные от смен и находящиеся в посёлке. Было немного тревожно – в рынду по пустякам не бьют…

Начучастка переписал всех собравшихся, человек тридцать-сорок, заставил расписаться в журнале, видимо, чтобы подсчитать кворум собрания и для отчётности. Потом сказал:

- К нам приехал товарищ капитан с заставы, у него важное сообщение.

Все притихли, насторожились – что же скажет товарищ капитан? Пограничнику было примерно столько же лет, сколько и большинству собравшихся, тридцать - тридцать пять. Он начал свою речь с того, что, мол, оперативная обстановка на нашем участке границы не спокойная, что возможны провокации со стороны Китая, что надо проявлять бдительность. Потом перешёл к главному:

- В случае, если китайцы полезут, необходимо будет перекрыть им проходы к Памирскому тракту. Мы, погранзастава, будем перекрывать Главный проход, – и махнул рукой в южном направлении, в сторону субширотной постледниковой до-

лины, ведущей от китайской границы к Памирскому тракту южнее Мургаба, шириной от пяти до одиннадцати километров, - а вы будете перекрывать Аксуйский проход, - и махнул другой рукой поперёк долины Аксу, ширина которой в этом месте – до двух километров.

Из толпы сзади слева раздался голос:

- А автоматы дадите?

- Нет, оружия на всех не хватает, - ответил капитан.

- Тогда мы в штольне отсидимся, пусть китайцы проходят, куда хотят, - сказал тот же голос.

На этом собрание закончилось. К нашему счастью, китайцы не полезли….

Но тогда никто и подумать не мог, что китайцы всё-таки придут на Заречный и будут отрабатывать месторождение…

* * *

В мае месяце Рубанов освободил меня от обязанности ведения штольни, чему я был очень рад, так как за почти полгода эта штольня мне уже надоела до чёртиков, и поручил другое дело – вести проходку траншеи на обратном, западном, склоне «нашей» горы, чтобы проследить там выход рудной зоны.

Это было, как подарок – после мрачного, загазованного подземелья предстояло работать на свежем воздухе, под весенним солнышком, не подгоняемый проходчиками. Разметил с помощью компаса и рулетки серпантин траншеи - в один конец метров шестьсот-шестьсот пятьдесят и в другой около шестисот – и протрассировал небольшими турами из камней. Траншея-врезка пробивалась бульдозером, как обычная «дорога» по склону горы. Бульдозеристом был классный мужик, мастер на все руки, – он и за бульдозериста, и за взрывника работал, и пробы отбирать мне помогал.

У нас с ним вдвоём ловко получалось. Он бульдозером по сыпухе от турика к турику довольно быстро и грамотно пробивал траншею до коренных. Я шёл за ним следом и делал свою работу. Когда встречались скальные выходы, он перфоратором бурил шпуры, заряжал взрывчаткой и кричал мне: «Берегись!». Я прекращал работу и прятался за отвалом бульдозера, который стоял поодаль от места взрыва. Он протягивал к бульдозеру коммутационный провод, сам тоже приседал за отвалом и крутил ручку «адской машинки». Бабах! Камни взлетали в воздух. Иногда редкие осколки долетали до бульдозера и цокали по его стальным бокам и крыше.

Потом всё повторялось сначала. Отобрав вдвоём бороздовые пробы, мы грузили их на металлические сани, он садился за рычаги бульдозера, я – на сани, и мы медленно возвращались в посёлок к концу рабочего дня. За день делали по пятьдесят-шестьдесят метров…

Ту траншею-серпантин, которую мы с ним вдвоём пробивали, документировали и опробовали, и сейчас можно лицезреть на гугловских снимках в программе «Google Earth».

* * *

И последнее моё воспоминание о Заречном. В самом конце мая выдались по-летнему жаркие деньки – на Восточный Памир пришло долгожданное лето. С траншеей было покончено, и я два-три дня бездельничал, доделывая камералку. Нового задания мне не давали, так как ожидалось, что меня переведут на лето в другой отряд – я ещё в начале мая подавал рапорт Аверьянычу с просьбой перевести меня на летний сезон в какой-нибудь поисковый отряд, хотелось повидать и другие районы Памира.

И вот, закончив с камералкой по траншее, я на следующее утро, а было уже тридцатое мая, решил прогуляться по берегу бурлящей половодьем Аксу. Пошёл вверх по течению, по левому берегу. День был очень тёплый, солнышко уже припекало вовсю, и я решил искупаться и позагорать. Нашёл в широкой излучине речки песчаный пляжик, разделся до «в чём мать родила» и окунулся в холоднющую и не очень чистую воду весенней речки. Быстрое течение протащило меня по камням на мелководье с десяток метров, и я пулей выскочил на берег. Потом лёг на тёплый песочек под невысоким обрывом берега, в затишке от ветра. Там было тепло, и я вскоре согрелся….

Валялся на песке долго, глядя в бездонную, безкрайнюю, пронзительно чистую синь неба. Забылись все заботы о работе, все необходимости, в голове не было никаких мыслей, отчего я явственно ощущал её лёгкость – я впервые за последний год по-настоящему отдыхал. Возникло странное состояние, будто я один во всём мире, никого и ничего больше нет, кроме меня и этого манящего синего неба… Потрясающее состояние одиночества-единства! До сих пор помню.

Солнышко поднималось всё выше и выше, и стало уже припекать. Я ворочался с боку набок на горячем песке, подставляя все части соскучившегося по теплу тела. Когда почувствовал, что кожа уже подгорает, встал, оделся и пошёл обратно.

Но было уже поздно – я схватил солнечный удар. По неопытности не учёл, что в Средней Азии, да ещё на высоте в три с половиной километра солнечного ультрафиолета в разы больше, чем где-нибудь в Сибири. К вечеру поднялась температура, бил озноб, а кожа горела, будто её прижгли утюгом. Всю ночь ворочался, не заснул…

А на утро пришёл начучастка и сказал, что мне завтра, первого июня, надо быть на базе в Мургабе – меня перевели в другую партию, в поисковый отряд. День в сборах пролетел быстро, а вечером, не дожидаясь следующего утра, я на попутке уже уехал с Заречного.

Приехав на базу, разыскал геологов Бартангского отряда, с которыми мне и предстояло работать ещё почти полгода на Центральном Памире. Но это уже следующая история…

Тарасов А. – автопортрет, март 1984 г.

Конец первой части

Кто на Бартанге не бывал,
тот Памира не видал.
(народная пословица)

Часть 2. Кокуйбель, Кудара, Бартанг

Глава 1. Кокуйбель

Переночевав в спальнике, брошенном на голую панцирную сетку скрипучей железной кровати в маленькой комнатке барака с оконцем без стекла и расхлябанной дверью, я оказался в Бартангском отряде Баджуйской партии ПГРЭ. Это было 1 июня 1984 года. Отряд был небольшой, состоящий из молодых ребят и девушек. Начал с ними знакомиться. Геологиня Эля Талыпова – стройная, худощавая молодая женщина с утончёнными восточными чертами лица показалась мне серьёзной, сохраняющей дистанцию в отношениях. Техник-геолог Алик, таджик по национальности, пожимая мою руку, сказал: «Алик». Я переспросил: «Алик – это Алексей?» «Нет, Абдусадор, но можно Алик, так проще» - ответил с улыбкой парень. Потом его стали звать Лёхой, Алик-Абдусадор не обижался. Он был весёлым, компанейским парнем. Геолог Вадим Логачёв был уже не первый сезон на Памире, рассказывал о своей работе с известными в ПГРЭ геологами Полыновыми. С Вадимом, весёлым и толковым парнем с Украины, у которого родители тоже были геологами, я постепенно сдружился.

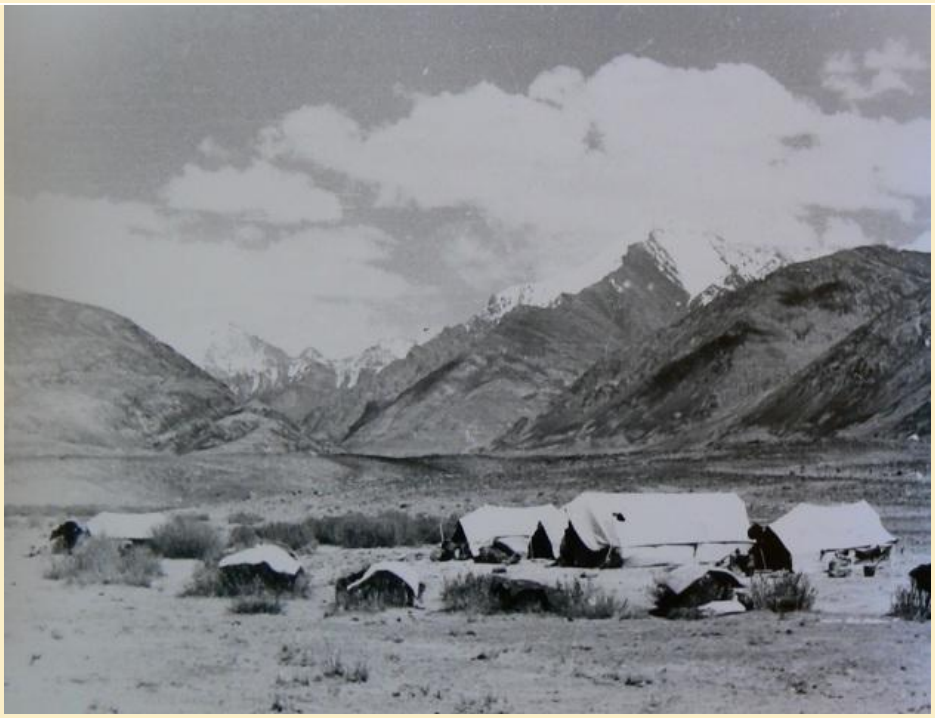
Техники-геологи Витёк Бибин и Женька Кисляков тоже были уже не первый сезон на Памире, хоть и молодые ребята. Ещё была техник-геолог Алка, подруга Эли. Она была весёлой, за словом в карман не лезла, при желании могла и послать… Всем нам тогда было по двадцать с небольшим, Эле

ИТР Бартангского отряда Баджуйской партии: техники-геологи Алик и Алка, геологи Логачёв Вадим и Тарасов Александр

– около тридцати. Самым старшим был начальник отряда Толик Рахимов, ему было тридцать пять.

С базы ПГРЭ в Мургабе в тот же день мы поехали на ГАЗ-66 на площадь работ, на восточную её часть, в район хребта Музкол. Первая ночёвка была в маленьком кишлачке Акташ из трёх домов у дороги: один – хозяйский, второй – гостиница - заежка для всех проезжающих, третий – маленький магазинчик. Недалеко от домов расположился большой загон для овец. Ночёвка запомнилась ночным кошмаром – в кошмах на лежанках было безчисленное множество клопов, которые с удовольствием набросились на «новеньких», да ещё «белых» гостей…

В широкой, плоской долине Кокуйбеля поставили палатки первого лагеря. Эта высокогорная местность по своей морфологии очень похожа на Восточный Памир – такие же, как и в районе Заречного, широкие постледниковые долины без сколько-нибудь врезанных русел речушек и ручьёв, но горы уже повыше, некоторые – за 6000 м. Из нашего лагеря отлично были видны заснеженные склоны отрогов хребта Музкол и вдали – один из шеститысячников, пик Советских Офицеров (высота 6233 м).



Кокуйбель. Первая стоянка Бартангского отряда (выс. около 3600 м). На заднем плане – отроги хр. Музкол, вдали - пик Советских Офицеров (выс. 6233 м)

Там мы жили несколько дней в ожидании ишаков – основного нашего транспорта на весь долгий сезон. Холодными вечерами - ведь было ещё начало лета на высоте свыше трёх с половиной тысяч метров над уровнем очень-очень далёкого моря - согревались у костра, хворост для которого мы, парни, носили большими вязанками, собирая его на берегу речки.

* * *

Звёздное небо на Восточном Памире очень выразительное, яркое, звёзды крупные и их много; оно завораживает, хочется на него смотреть и смотреть… Однажды у меня вышел спор с одним из наших итеэровцев, геофизиком Женей

Канаевым. Это был замечательный парень лет тридцати, крепкого сложения, в тёплом толсто-вязанном свитере. Он попал в наш отряд целенаправленно – ему, как альпинисту, уже покорившему два семитысячника, пик Ленина (выс. 7134 м) и пик Евгении Корженевской (выс. 7105 м), необходима была горно-скальная тренировка, подготовка для «набора формы» перед восхождением на высочайшую вершину Памира и всего СССР, пик Коммунизма (выс. 7495м). Женя мечтал в то лето за покорение третьего семитысячника получить почётное среди альпинистов звание «барс снегов».

И вот я, считавший себя по молодецкой самоуверенности знатоком звёздного неба, поспорил с Женей на тему - куда летит Лебедь в Летнем треугольнике? Летний треугольник – это замечательная группа из трёх созвездий – Лебедя, Орла и Лиры. Эта его замечательность обусловлена тем, что его три главные звезды - Альтаир в созвездии Орла, Денеб в созвездии Лебедя и голубенькая Вега в созвездии Лиры, образующие на ночном небе почти правильный равнобедренный треугольник - очень яркие, заметные звёзды, они в весенне-летне-осенний период всегда располагаются высоко на небе, в южной его части. Этот звёздный треугольник хорошо виден во всём Центрально-азиатско-Сибирско-Монгольском регионе Азии – лично проверено многократно. Но главное полезное качество Летнего треугольника заключается в том, что своим остриём – звездой Альтаир в созвездии Орла – оно всегда в летний период указывает на юг, а в полночь в середине лета – точно на юг. Этим его свойством всегда, ещё исстари, пользовались путешественники, моряки, геологи, туристы.

Так вот, я считал, что Лебедь «летит», то есть, ориентирован своей длинной осью, и, если так можно выразиться, головой, внутрь Треугольника, а Женя утверждал, что наружу. Наше пари разбил старший в отряде, Толик Рахимов. Ставка была немалая – большая банка индийского растворимого кофе. Этот наш спор в Памирских горах разрешиться не мог, так как других знатоков звёздного неба, могущих поддержать или опровергнуть чью-то точку зрения, в отряде не нашлось.

И мы с Женей решили отложить его разрешение до возвращения в Душанбе. Позже я понял, что этот спор проиграл – Лебедь «летит» наружу Треугольника, но с Женей больше не встречался, он рано покинул наш отряд - примерно через месяц. И больше я его не видел. Так я и остался ему должным банку кофе….

* * *

Основным нашим развлечением в те дни, когда отряд стоял в верховье Кокуйбеля, была рыбалка. Оказывается, в небольшом моренно-запрудном озерце на одном из левых притоков Кокуйбеля, недалеко от нашей стоянки, водился осман – такая донная рыба с большими усами и ртом, обращённым вниз, как у сомов. Мы его ловили на обычную закидушку – толстую леску с большим грузилом и крючком или несколькими крючками на тонких поводках. Османа в озере было много. Самым удачливым рыбаком оказался Витёк Бибин, носивший матросскую тельняшку.

Пойманную рыбу потрошили, слегка присаливали и нанизывали на тонкую верёвку, натянутую между двух шестов.

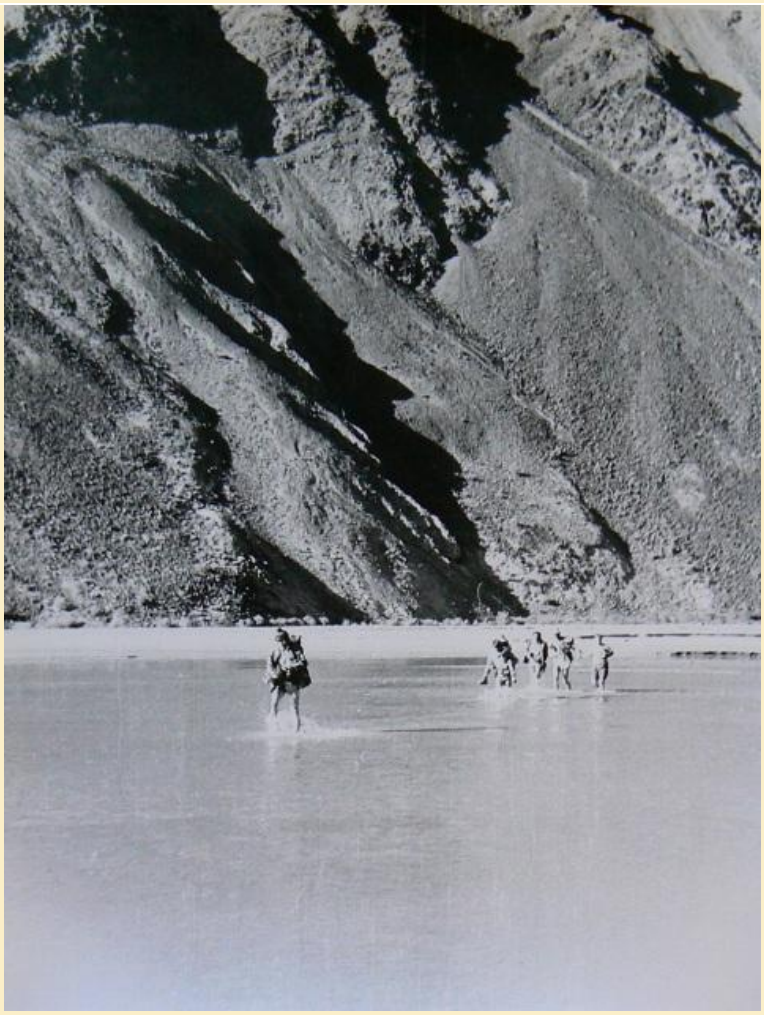
В сухом, ветреном воздухе памирского высокогорья она быстро высыхала, и потом её складывали в бороздовые мешки. По вечерам в палатке мы резались в карты и грызли вяленого османа, запивая горячим чаем, и только мечтая о холодном пиве. Пикантной особенностью этой рыбы было то, что она была немного ядовитой – не вся, а только чёрная плёнка, отделяющая брюшную полость от спинки. Её надо было удалять. Икра оказалась тоже ядовитой – Толик Рахимов засолил пол-литровую баночку, но при первой же дегустации отравился. Животом мучился два дня, хорошо, что мало съел...

Кокуйбель. Главный рыбак отряда Виктор Бибин и его улов. Возле палатки – начальник отряда Анатолий Рахимов, на заднем плане – отроги хр. Музкол

* * *

Через несколько дней вынужденного безделья завхоз Абдульчик наконец-то привёз десяток ишаков, арендованных в западно-памирских кишлаках на полевой сезон, а также несколько молодых рабочих памирцев, которые тоже были нам нужны не меньше ишаков, и наш доукомплектованный отряд двинулся вниз по левому берегу Кокуйбеля. Задача была, казалось бы, простая - пройти в среднее течение реки и начать там работу.

Но этому не суждено было сбыться, так как на Кокуйбеле уже начался весенний паводок, река сильно вздулась, вольно разлилась по широкой долине, переправляться через неё с берега на берег стало проблематично. В одном широком месте, перед перегородившим почти всю долину поперёк длинным и мощным языком боковой морены, пришлось перебродить по мелководью метров двести или больше, с правого берега Кокуйбеля на левый. Шли друг за другом, я и Вадим впереди, за нами – Алик, потом остальные. Запомнилось, что худощавую Элю нёс на закорках Женя Канаев – и Эле приятно, и Женьке тренировка, а Рахимов держал за руку Алку для подстраховки.



Кокуйбель, «как Коктебель». Отряд преодолевает водную преграду – впереди Алик, Женя Канаев несёт Элю Талыпову, за ними - студент Олег, Рахимов держит за руку Алку.

Гружёные отрядным имуществом ишаки местами плыли, увлекаемые сильным течением, не доставая копытами до дна.

Здесь необходимо сказать о том, что на официально-изданной «Физической карте Таджикской ССР» масштаба 1:1400000 по всему правому берегу Кокуйбеля была нарисована автомобильная дорога от верховья реки до самого кишлака Кудара в месте слияния Кокуйбеля с Танымасом! Я хорошо это помню, так как эта карта висела на стене над моей кроватью в общаге в посёлке Разведчик-2, в Семиганче. Но, то ли картографы ошиблись, перепутав долину Кокуйбеля и Танымаса, то ли эта дорога была ещё только запроектирована, а её нарисовали, как уже существующую, на самом деле в долине Кокуйбеля не то что дороги – тропы хорошей не было!

* * *

В тех первых переходах по долине Кокуйбеля мы палаток на ночь не ставили – спешили быстрее дойти до начала нашей площади работ, экономили светлое время суток для переходов. Поэтому ночевали прямо на берегу реки, раскатав кошмы на сглаженных водой камнях и бросив спальники сверху Кошма была необходима в качестве подстилки не только для мягкости, но и для защиты от скорпионов, которые, как утверждали опытные люди, не могут преодолеть колючего ворса конской кошмы. Уж чего-чего, а скорпиков там хватало, и главным правилом на любом временном биваке или стоянке лагеря было внимательно осмотреть то место, где ставишь палатку, садишься или ложишься на камни – скорпики часто находились именно под этими камнями, или…. под соседними.

Однажды утром все проснулись от отчаянного женского крика – это Эля под своим спальником, который она уже начала сворачивать, обнаружила свернувшегося калачиком скорпика. Он, может быть, и не хотел её кусать, просто решил погреться возле женского тела…

Кокуйбель в среднем течении. Ночёвка на берегу реки. На переднем плане, ближе к реке – мужская «спальня», на дальнем, подальше от реки – женская.

Наше быстрое продвижение по долине Кокуйбеля вскоре неожиданно и драматично закончилось. Тропа, по которой мы шли с навьюченными ишаками, в одном месте на левом берегу проходила по широкой «живой» осыпи, потихоньку сползавшей в бурную реку. Вечером Рахимов и Женька-геофизик сходили на разведку тропы; вернувшись, сказали, что место опасное, тропа по осыпи проходит рядом с берегом, осыпь «живая», подмывается бурным потоком, тропа на ней теряется, но они провешили её туриками из камней, утром можно попробовать пройти её с ишаками.

Но ночной паводок половодной горной реки усугубил ситуацию, сильно подмыв осыпь. Женька шёл первым с сильно гружёным ишаком - в его вьюках была почти вся наша кухонная посуда и значительная часть продуктов питания. Копыта ишака провалились меж камней «живой» осыпи, он завалился набок и свалился в реку. Бурное течение быстро поволокло его вниз, а тяжёлые вьюки не дали бедолаге всплыть. Женька смело бросился в реку за ишаком, но сам чудом не утоп, с трудом выбравшись на берег ниже по течению. Всё произошло очень быстро, никто из растянувшегося по узкой тропе отряда не успел подбежать. Да и бегать по «живой» осыпи, сползающей в бурную реку, большого желания не было. В результате из десяти привезённых Абдульчиком ишаков осталось девять, утонула почти вся наша кухонная посуда и большая часть продуктов. Пришлось мастерить кружки из консервных банок, ложки – из веток тальника, поварской черпак – тоже из большой банки с ручкой из деревяшки. Недели две ели по двое-трое из одной миски…

После короткого раздумья-совещания отрядной тройки – Рахимов, Эля и Женька, было решено отказаться от работы в среднем течении Кокуйбеля и по-

вернуть назад. Время было упущено, весенний паводок закрыл проход по узкой, труднопроходимой долине Кокуйбеля. Как потом выяснилось, когда мы уже работали в районе кишлака Кудара, тропа по берегу Кокуйбеля в нескольких местах была завалена свежими обвалами, которые не обойти, ни, тем более, расчистить мы не могли – каменные «чемоданы», хаотически загромождавшие дикий берег, достигали размеров с грузовик…

Вернулись на свою прежнюю стоянку в верховье Кокуйбеля быстро, так как тропа была уже знакома, и приходилось торопиться…

Оттуда на ГАЗ-66 поехали через перевал Аильутек в долину Танымаса. Горная дорога узкая, в одну колею, слева – скальные прижимы, справа – обрывы и пропасти, смотреть страшно. В начале спуска с перевала видели табличку с указующе-повелевающей надписью для водителей: «Спуск с перевала Аильутек разрешён с утра и до 13-ти часов дня, подьём – с 13-ти часов и до вечера!» Мы ехали с утра, и встречных машин нам не попалось. И, слава Богу! Так как разминуться на этой петляющей, узкой горной дороге было просто негде. На крутых поворотах шестьдесят шестой иногда поворачивал со второго раза, правые колёса по очереди зависали над пропастью. Весь отряд ехал в кузове, лёжа на кошмах под тентом, а Эля – в кабине. Потом и она перебралась к нам в кузов - «не могу ехать в кабине – страшно!» А я в таких моментах просто закрывал глаза…

Спустившись с перевала в долину Танымаса, отряд пару дней обитал в красивой берёзовой рощице, разместившейся в небольшой долинке ручья, левого притока Танымаса. Увидеть берёзовую рощу на почти безжизненном берегу широкой долины Танымаса, местами поросшем только зарослями облепихи, было для меня неожиданно и радостно. Откуда она там взялась и как сохранилась в высокогорной долине, вблизи вечных ледников и высоченных ледово-снежных вершин Центрального Памира, до сих пор остаётся для меня загадкой. Живописность рощи дополняли зелёные лужайки с негустой травкой и весёлый, говорливый ручей, петляющий между красавиц-берёз. Таких приятно-красивых стоянок у нас больше не было за весь долгий сезон.

Ещё та стоянка запомнилась тем, что наши ишаки в первую же ночь убежали из лагеря. То ли волки их напугали, то ли они просто решили вернуться домой, но наутро мы обнаружили пропажу нескольких ишаков и долго их искали…

Глава 2. Кудара

Когда наш отряд подошёл к кишлаку Кудара, мы, сами того не желая, нарушили покой кударинских предков – прошли всем караваном прямо через местное кладбище. Когда мы увидели на окраине кишлака какие-то палочки, воткнутые в землю рядом с присыпанными землёй ямками, и одновременно услышали гневные крики местных жителей, только тогда мы сообразили, что этот небольшой участок каменистой почвы, ничем не огороженный, даже камнями - это и есть местное кладбище.

Второе «святотатство» мы совершили уже через десять - пятнадцать минут, когда, перейдя по мостику на левый берег Кокуйбеля и увидев замечательную травянистую полянку, решили поставить на ней свой лагерь. Мы развьючили наших вечно голодных ишаков, и те с завидным аппетитом стали поедать эту травку. Но не долго радовались люди красивой полянке и блаженствовали ишаки – вскоре прибежал староста кишлака и ещё издали начал кричать что-то на своём языке и махать руками. То ли Абдульчик, то ли кто-то из наших рабочих, знающий местный диалект памирского языка, перевёл нам крики старосты, мол, эта зелёная лужайка – единственный покос у кишлачных жителей, и он, староста, очень недоволен тем, что их траву кушают наши ишаки. Пришлось извиняться, оттаскивать ишаков и перетаскивать всё снаряжение метров на двести дальше по берегу, на безтравный пустырь.

Долина р. Танымас. На заднем плане – хр. Северный Танымас с заснеженными вершинами (выс. до 5500 м)

Реки Танымас, Кудара и Бартанг – это, по сути дела, одна большая река, которая вместе со своими большими левыми притоками - Кокуйбелем и Мургабом – охватывает весь северо-восточный, восточный и центральный Памир.

Танымасом называется северное верховье этой транспамирской реки, собирающей свои холодные воды с больших и малых ручьёв, стекающих с центрально-памирских ледников Грум-Гржимайло, Федченко, Высокий Танымас, с хребта Северный Танымас, и текущей сначала на восток, а затем поворачивающей на юг, в почти меридиональном направлении. Здесь долина реки широкая, плоская, мелкое русло часто меняет своё положение, у реки много боковых рукавов-проток, длинных песчаных кос. Борта долины Танымаса корытообразные, испытавшие ледниковую эрозию.

После слияния с крупным левым притоком, рекой Кокуйбель, река поворачивает на юго-запад и уже называется Кудара (Гудара). Долина Кудары уже по-

уже, чем у Танымаса, её борта с высокими осыпями конусов выноса сдвинуты, на них видны высоко расположенные реликты древних террас с обрывистыми крупногалечными стенками. Вбирая потоки боковых притоков – Хавраздары, Бошурвдары, Хабарвивхаца и других, стекающих с восточных и южных склонов горного массива пика Революции (выс. 6974 м), Кудара ширится, полнеет, гремит камнями по дну. Цвет её воды в начале лета становится грязным, серовато-коричневым из-за большого количества несомого ею ила и песка; вода совсем не пригодная не только для питья, но и для умывания.

Перейти полноводную, быструю и довольно широкую Кудару можно только по подвесным мостикам, сооружённым вблизи или недалеко от редких по всей долине реки кишлаков. Эти подвесные мостики сделаны из двух стальных тросов, перекинутых от одной каменной опоры на одном берегу до другой на противоположном. На эти тросы поперёк, в разбежку положены короткие, не более полутора метров, жерди, на них - тонкие доски. Никаких перил нет, узкий, длинный мост провисает над рекой и раскачивается в такт шагам. Переходы по таким мостикам требуют предельного внимания и ловкости, а неизгладимыми впечатлениями запоминаются надолго….

Обычно наш отряд по таким подвесным мостикам переправлялся поэтапно – сначала мы переносили весь наш скарб на себе на другой берег, потом перетаскивали туда же ишаков. Переходить с неудобным грузом на плечах одновременно двум или трём носильщикам было не безопасно, так как раскачивающийся из стороны в сторону мостик уходил из-под ног, попасть в такт шагам другого ходока сложно, да и в таком случае мостик начинал раскачиваться ещё сильнее.

Не попадание в такт шагам грозило спотыканием и, в лучшем случае, потерей своей ноши, в худшем - падением в бурную, глубокую реку. Поэтому переходили по очереди, дождавшись, пока впереди идущий пройдёт середину длинного мостика, и его раскачивания начнут замедляться. Переходили быстрым шагом, насколько по-

Кудара. Переправа Наполеона с грузом через реку по висячему мосту (длина не менее 25м). В клетчатой рубахе – Тарасов А.

зволяли ноша на плечах и раскачивающийся мостик; сначала все с грузом в одну сторону, потом все налегке – обратно. И так до тех пор, пока всё отрядное снаряжение, упакованное примерно в двадцать баулов, тюков и вьючных ящиков, будет на другом берегу.

Самая интересная часть переправы начиналась потом, когда мы перетаскивали по мостику ишаков. Коррида была ещё та! Перетаскивать одного ишака можно было только втроём – впереди идущий тащил упирающегося бедолагу за верёвку на шее, отчего задыхающийся ишак начинал хрипеть и мотать головой, чтобы вдохнуть воздух. Двое молодцов упирались сзади в его костлявый зад, толкая ишака по качающемуся мостику, периодически пиная триконем его в зад - для ускорения его движения. Несчастный от такого обращения и от страха упасть с ненадёжного мостика в несущуюся внизу, грохочущую камнями бурную реку впадал в ступор и всеми своими четырьмя копытами упирался в доски мостика, норовя собрать их в кучу. Задние «помощники» - толкатели поддёргивали бедолагу за основание хвоста вверх, передний поводырь рывком дёргал его вперёд, и вся эта связка людей с ишаком преодолевала метр-полтора пути по длинному качающемуся мостику. И так мы перетаскивали всех наших ишаков, а их осталось девять…

Глава 3. Бартанг

Ущелье Бартанга в среднем течении. Тропа по правому берегу.

После слияния Кудары с крупным левым притоком, рекой Мургаб, несущей чистые голубые воды из-под Усойского завала Сарезского озера, она уже называется Бартангом (с таджикского - «узкое русло»). Долина Бартанга в верхнем течении, от Мургаба до Бардары, превращается в узкое ущелье, теснину, зажатую то с одной, то с другой, то с обеих сторон скальными прижимами высоких гор.

Мощная, полноводная река извилистым распилом прорезает эти горы, грохочет на дне глубоких ущелий, и лишь изредка вырывается из них в короткие

расширения долины, обычно – в длинных поворотах-излучинах, либо в местах впадения в неё крупных боковых притоков.

Узкая, шириной не более метра тропа, выбитая и вышарканная неисчислимым множеством копыт и ног, прошедшим по ней за века, часто серпантинами взбирается или спускается по крутым склонам, либо тянется по узким полкам-уступам по-над обрывами, переходя в такие же узкие овринги на почти отвесных скальных стенах ущелий.

Центральный Бартанг. Отряд идёт по оврингу – впереди Ан. Рахимов, за ним Женя Кисляков, потом повар Мурод, Алка, Алик, в клетчатой рубахе – Тарасов А.

Овринги – это рукотворные тропы по полкам, сделанным из брёвен, вбитых каким-то образом одним концом в скалы, а другим - нависающим над пропастью. На эти брёвна-опоры уложены плоские камни и сверху насыпан щебень. В сухом климате Центрального Памира, где за всё лето дождь выпадает один раз, но местные говорят, что, мол, нынче лето на удивление дождливое, эти брёвна-опоры высыхают, не гниют и надёжно держат каменный настил многие-многие годы. За сохранностью оврингов наблюдают жители ближайших кишлаков и, в случае надобности, подправляют, ремонтируют их. Для памирцев это очень важно, так как тропа по Бартангу связывает центрально-памирские кишлаки с Западным Памиром, а через него - и со всей Средней Азией.

В одном месте тропа по самому берегу Бартанга пробита в скале на уровне воды в виде узкого, шириной не более шага, уступа, огибающего эту скалу. Набегающие потоки бурной реки местами захлёстывают уступ, поэтому приходится идти в воде по щиколотку и выше, цепляясь руками за выступы в скале и рискуя поскользнуться …

Центральный Бартанг. Тропа проходит по узкому уступу в скале на уровне воды. Повар Мурод стоит в воде на самом краю уступа и отталкивает от него ишаков.

Как справедлива одна народная пословица «Кто на Бартанге не бывал, тот Памира не видал!», так справедлива и другая «Кто по оврингам не ступал, тот на Бартанге не бывал!»

Глава 4. «Кто здесь не бывал, тот не рисковал, тот сам себя не испытал…»

Рабочие будни нашего отряда в течение всего полевого сезона 1984 года, а это четыре с половиной месяца, складывались из двух основных видов деятельности – собственно геологического: поисковые маршруты, шлиховка ручьёв и бортов долин водотоков, опробование по металлометрическим профилям; и второго, не менее важного, - перебазировка отряда с одной стоянки на другую.

Геологическое задание на тот сезон для Бартангского отряда было колоссальным – на огромной площади среднего и верхнего - вместе с Кударой и Кокуйбелем - течения реки Бартанг, от среднего течения Кокуйбеля до устья Бардары, провести общие поиски масштаба 1:50000 на золото, редкие и цветные металлы и камнесамоцветное сырьё. Поэтому поисковые маршруты «гонялись» нами через три-пять километров, чаще – по саям боковых притоков Бартанга и Кудары, реже – по водоразделам отрогов хребтов, так как карабкаться по ним было труднее, а информативность поискового маршрута ниже, чем маршрута вдоль подножия склона. Шлиховка велась с шагом 200-300 метров по мелким ручьям, сухим саям и по обоим бортам долин более крупных водотоков, притоков Бартанга.

Мне повезло – я большую часть сезона «гонял» маршруты, иногда одновременно со шлиховкой. Лишь в самом конце сезона, когда стало ясно, что техни-

ки-геологи не справляются с планом по шлиховке, Рахимов нас с Вадимом, геологов-маршрутчиков, поставил на шлиховку. Вадим назвал нашу пару «офицерской бригадой».

Маршруты - самый любимый мною вид геологической деятельности - каждый день что-то новое и в геологии и в местности, преодоление различных природных препятствий, встречи с дикими животными и птицами, редко – встречи с людьми - пастухами, туристами, альпинистами. Я по жизни фотограф, всегда ношу с собой фотоаппарат, люблю снимать природные пейзажи, красивые виды, необычные природные явления или объекты. Фотографий с того сезона у меня много (они помещены в фотогалерее). Ещё одним заядлым фотографом в отряде был Вадим, мы с ним вдвоём чаще других снимали всякие интересные случаи нашей полевой, кочевой жизни, особенно переправы с ишаками через многочисленные горные ручьи и речки. Об этих переправах расскажу ниже, а пока – о работе.

Никогда позже за свою долгую геологическую жизнь я не попадал в такие благоприятные условия для геолого-поисковой деятельности, как в тот полевой сезон на Центральном Памире. Обнажённость площади работ - более восьмидесяти процентов! Закрытыми были только долины крупных рек и, отчасти, их крупных притоков, которых можно пересчитать по пальцам одной руки. Ещё относительно закрытыми для поисков были подножия горных склонов, перекрытые большими, высотой до трёхсот метров, и широкими конусами выносов.

Методика валунно-обломочного метода поисков была проста: идёшь по одному борту сая, по берегу ручья или речки, и смотришь все обломки, встречающиеся на пути, а так же на ближайшие скалы. Если находишь что-то интересное, то поднимаешься по крутому склону горы или конусу выноса к скалам и пытаешься найти то место, откуда тот или иной интересный образчик мог свалиться. Но часто лазать по скалам было некогда потому, что маршрут длиной в восемь – десять километров надо было делать за один день, а на следующий день - уже другой маршрут в другом саю или по отрогу хребта.

Одновременно с поиском интересных образцов вдоль подножия одного борта сая отрисовываешь на АФС какие-то интересные с поисковой точки зрения элементы геологии, видимые на другом борту сая: разрывную тектонику, крупные зоны гидротермальной проработки, контакты интрузий, зоны интенсивной складчатости и так далее. Работа «не пыльная», главное – быть внимательным, не лениться подниматься по осыпям и крутым склонам к скалам, если у их подножия найдёшь что-то интересное. И быстрее – дальше и выше, так как маршрут дальний, да ещё подход-отход примерно такой же. И надо успеть вернуться в лагерь засветло, до ужина – такое было правило…

А темнеет в горах быстро - стоит солнышку коснуться вершин высоких гор, и через час-полтора в долинах уже совсем темно. А по темноте ходить по горным тропам, а уж тем более - без троп, не безопасно, можно куда-нибудь свалиться и переломать себе ноги-руки, а то и шею свернуть. Те трудности поисковых маршрутов, которые выпадали на долю каждого геолога-поисковика, работающего в горах Центрального Памира: подъём по горным тропам, а часто и без троп, на

большую высоту, до километра по вертикали в день, переход вброд горных речек и ручьёв, карабканье по скалам и крутым горным склонам, либо по «живым» осыпям конусов выносов, а потом – спуск с них вниз, и всё это в полном геологическом снаряжении: рюкзак с образцами на спине, полевая сумка на боку, радиометр и бинокль - на груди, молоток с длинной рукояткой - в руке, не казались мне, тогда молодому, физически крепкому парню, такими уж трудностями. Наоборот, они меня привлекали, их преодоление доставляло мне удовольствие и даже радость, когда трудный маршрут был выполнен или, например, когда выберешься на крутой водораздел или вершинку-пикульку, а оттуда открывается великолепный, неповторимый вид вокруг, на все триста шестьдесят градусов – высокие горы с заснеженными вершинами, глубокие ущелья с бурными, водопадными ручьями и большими конусами выносов. Сразу вспоминаются слова из песен Юрия Визбора: «…ведь наши памирки стоят на Памире, а мы чуть повыше, чем эти вершины…» или Владимира Высоцкого:

- Тут вам не равнина, тут климат иной,
Идут лавины – одна за одной,
И за камнепадом гремит камнепад.
И можно шагнуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа….
Кто здесь не бывал, тот не рисковал,
Тот сам себя не испытал,
И пусть он в низинах звёзды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес…

В качестве примера могу рассказать несколько случаев из тех поисковых маршрутов. Поначалу я ходил в паре с нашим геофизиком Женей Канаевым, у нас с ним были совместные геолого-поисковые с поисками радиоактивных руд маршруты. Я уже писал, что Женя-альпинист готовился в то лето к восхождению на пик Коммунизма, и ему чем труднее маршрут, тем лучше, он специально выбирал маршруты по водоразделам отрогов хребтов, чтобы повыше и подальше… И Рахимов поставил меня к нему в пару, чтобы ТБ не нарушать – одиночные маршруты в горах запрещены, и чтобы Жене не скучно было, да и мне полезно…

Женя лазил по горным кручам и скалам, как тот снежный барс, почётный титул которого он хотел получить в то лето за покорение третьего семитысячника, пика Коммунизма. Но надо отдать ему должное – он о работе не забывал, он по всему маршруту, каким бы сложным в отношении препятствий тот ни был, проходил с включённым радиометром на груди, с наушниками на ушах, чтобы не пропустить искомый сигнал, и с радиометрическим зондом в руке, причём так, чтобы датчик зонда всегда был на высоте 15-20 сантиметров от поверхности земли! Так требовалось по их спецпоисковой инструкции, и Женя выполнял её полностью. Да

ещё в рюкзак каменюк накладывал – «это для общефизической тренировки, - как он говорил, - чтобы маршрут мёдом не казался».

Однажды мы с ним карабкались по острому гребню хребта на правом борту Танымаса - Кудары, напротив кишлака Кудара.

Кудара. Женя Канаев в маршруте недалеко от кишлака Кудара (выс. около 5200м). На заднем плане – хр. Музкол с вершинами до 5900м, за ним – Сарезское озеро.

Справа и слева – скальные обрывы, спуститься вниз без верёвки невозможно; на пути высокие скалы, «жандармы», как называл их Женя, стоят один за другим. Вдруг путь нам преградила глубокая расселина шириной метра три с вертикальными, гладкими стенками, будто какой-то великан рассёк поперёк скальный гребень гигантским ножом. Спуститься и обойти расселину понизу невозможно – верёвки у нас с собой не было. Вернуться назад - значило прервать маршрут. Выход один, как в том анекдоте про обезьяну – «что тут думать, прыгать надо!»

На другом краю расселины, чуть пониже нас, видим скальную полочку размером метр на полтора, немного покатую в сторону расселины и совершенно гладкую. Женя командует: «Складываем всё в рюкзаки, снимаем трикони, и их - тоже в рюкзаки; первым прыгаю я, потом – ты» Насчёт триконей он правильно сообразил, ведь они своими железными подковками могли скользнуть по наклонной поверхности скалы, на которой не было никаких трещинок или нервностей, и можно было улететь вниз. Женя, сильно оттолкнувшись от скалы – для разбега не было места - и взмахнув руками, прыгнул через расселину и ловко приземлился на маленькую полочку. Я ему перекинул наши рюкзаки, он их убрал с полки, чтобы освободить для меня место. Я тоже сильно оттолкнулся от скалы и, раз! - перепрыгнул через расселину! Женя, посторонившись, схватил рукой меня за плечо и придержал, чтобы я не отшатнулся назад. Сердце в груди бешено колотилось, и ноги слегка дрожали – адреналин высвободился полностью. С Женей я ходил ещё в несколько маршрутов по водоразделам, но таких препятствий больше не было. И слава Богу!

* * *

В другой раз, когда часть отряда отрабатывала выкидушкой верховье длинной Хавраздары, которая стекает с южного склона пика Холодная Стена (выс. 5947м), мне выдался маршрут по водоразделу бокового отрога этой горы на высотах четыре с половиной – пять тысяч над уровнем очень далёкого моря. Пошёл один, без напарника, так как на выкидушке лишних студентов или работяг не было.

Верховье Хавраздары. Южный крутой склон пика Холодная Стена (выс. 5947 м)

И вот вскоре после начала маршрута я подхожу к крутому подъёму на гребень водораздела. Снизу я ничего подозрительного не заметил – просто крутой, градусов сорок – сорок пять, склон хребтика с мелкими выходами коренных и сыпухой между ними. А когда полез, то уже после нескольких десятков метров подъёма понял, что влип: крутой склон бронирован сланцами, то есть падение пластов было вниз по склону, на меня, и сыпуха лежала на них, едва держась. Остановился, едва удерживая равновесие и чувствуя, как ноги медленно съезжают вниз. Страх придал остроту мышлению: скатиться вниз и попробовать обойти это опасное место? Но где гарантия, что в другом месте этого хребтика склон не будет также бронирован сланцами? Да и время потеряю. А тут до гребня всего-то каких-то сто метров. Решил – иду вверх! Сложил все свои причиндалы – полевую сумку, радиометр, молоток, бинокль - в рюкзак, рюкзак закинул на спину, встал на четыре кости и рванул вверх без всякого маршрута – лишь бы выскочить с этого коварного склона на гребень.

А ситуация осложнилась ещё тем, что солнышко, поднявшееся над горами, уже растопило лёд, который сковывал плитки сланцев и сыпуху на них, и они ничем друг за друга не держались! Нога, не успев встать на сыпуху, начинала съез-

жать вниз, руки цеплялись за плитки коренных выходов сланцев, а они тут же начинали выползать на меня. Сердце бешено колотилось в груди – адреналина было по горло! Выскочив на гребень, я с полчаса сидел, приходя в себя… Вниз, на этот бронированный склон смотреть даже было страшно. Дальше маршрут пролегал по ровному водоразделу горного отрога, постепенно спускавшегося вниз без каких-либо препятствий. И подобных ситуаций в моих одиночных маршрутах в тот сезон было немало…

Глава 5. «Железный» Сабирхан

В другой раз, когда мы мработали на правом борту Кудары недалеко от одноимённого кишлака, мне в напарники Рахимов дал студента из Алма-Аты по имени Сабирхан. Хороший был парень - спокойный, смелый, выносливый. В том районе, в нижней части горных склонов, на высоте сто – сто пятьдесят метров над долиной реки располагались реликты древних террас, сложенные крупногалечными отложениями Палео-Кудары, сформировавшиеся в неогене, до четвертичной тектонической активизации Памира. Эти галечники были крепко сцементированы мелким гравием и песком. Реликты древних террас отвесными обрывами преграждали путь как наверх, так и вниз по склонам гор. Чтобы подняться в гору, надо было далеко обходить их, километра полтора – два в одну сторону.

Утром, на подходе к маршруту, мы с Сабиром конечно обошли эти террасы. А вечером, окончив маршрут в километре от лагеря, который сверху был хорошо виден, мы оказались перед нелёгким выбором: либо тупо возвращаться назад по террасе километра полтора - два, чтобы обойти её и спуститься на тропу, идущую по берегу Кудары, и потом по этой тропе ещё два с половиной – три километра шлёпать назад к лагерю, либо рискнуть и спуститься к тропе вниз напрямую через террасу, по промоине.

Уже вечерело, в долине Кудары уже начались сумерки, и лишнего времени на обход террасы у нас не было. Если идти в обход, то потребовалось бы более часа, а за это время сумерки бы уже сгустились до темноты. А тропа-то – вот она, рукой подать! До неё каких-то сто - сто двадцать метров по высоте, и всего в километре – желанный лагерь.

Я подошёл к ближайшей промоине и стал внимательно её осматривать. Она была конусовидной формы, раструбом вверх и сужением вниз. Её стенки, наклонённые под углом в сорок-пятьдесят градусов, были ровные, без выступов и полочек. Стенки были крепкие, сложенные сцементированными, хорошо окатанными галечниками. Низ промоины не просматривался, я подумал, что там, наверное, ещё круче, но уже недалеко до дна долины.

Я решил спускаться, Сабир не возражал. Но то, что это моё решение было опрометчивым, я понял уже через пару минут, и ещё раз - позже, в конце спуска. «Сабир, спускаемся осторожно, рубим ступеньки молотками, - говорю я студенту, - я иду первым, ты – за мной. Пошли!» Ступеньки в сцементированных галечниках

острыми клювами молотков вырубались с трудом, приходилось с силой ударять по ним молотком, едва удерживая равновесие на носках триконей на крутом спуске. Но постепенно мы начали спуск. Я спускался первым, Сабир – в двух – трёх метрах выше меня, по моим же ступенькам.

Я остановился, чтобы отдышаться, и невольно глянул вверх, на ноги Сабира, которые были на метр выше моей головы. И обомлел! Меня прошиб холодный пот, и сердце, казалось, упало в пятки! Подошвы триконей Сабира были совершенно лысыми, их подковки стёрлись! Ему, как студенту, приехавшему на практику всего на месяц, завхоз дал чьи-то старые, изношенные трикони, в которых можно было ходить только по ровной местности, но не по горам. В моей голове моментально нарисовалась нерадостная картина: ноги Сабира в лысых триконях скользят по гальке, он скатывается на меня, и мы вдвоём летим вниз, как два куля с картошкой… Я дрожащим от волнения голосом говорю: «Сабир, пожалуйста, аккуратнее! Углубляй мои ступеньки получше, чтобы нам не загреметь вниз!»

Кое-как, с предельной осторожностью мы спустились по промоине до того места, откуда дальнейший спуск вниз не просматривался. И тут нас ждал ещё один неприятный сюрприз – отвесный обрыв скального цоколя террасы высотой метров семь – восемь. Вот и приплыли! Выползать вверх по крутой воронке промоины и обходить древнюю террасу вокруг, до тропы, уже ни сил, ни времени не было – сумерки сгущались, вот-вот стемнеет. И прыгать с такой высоты на крупные валуны внизу не хотелось – запросто можно было переломать ноги. Я внимательно присмотрелся к скальному обрыву под ногами и увидел, что в нём есть узкие, шириной в пять – семь сантиметров, наклонные полочки по трещинам, за которые можно цепляться. Мы бросили рюкзаки вниз и сами осторожно спустились по скале, спрыгнув на последних двух – трёх метрах. Всё! Слава Богу, мы целы и невредимы! В лагерь пришли уже почти в темноте….

* * *

Ещё один случай, характеризующий замечательного парня из Алма-Аты Сабирхана, как мужественного студента-геолога, не привыкшего жаловаться на какие-то свои проблемы. У меня с ним был уже не первый и не второй маршрут по горам, и Сабир всегда поспевал за мной, не задерживал маршрут, и никогда даже полунамёком не упоминал, что у него проблемы с ногами. А я к тому времени уже наловчился уверенно лазать по скалам и ходить по крутым, каменистым, травянистым или осыпным склонам, как по асфальту, а так же скакать и скатываться длинными прыжками по «живым» осыпям конусов выносов.

И вот, закончив очередной маршрут высоко на хребтике, я решил спускаться вниз не по скалам этого хребтика, а по соседнему крутому саю – лазать по скалам за день мне уже надоело, да и по ним неудобно спускаться, а по саю, заваленному курумом, можно было быстро сбежать вниз. Я скачками понёсся вниз, перескакивая с камня на камень и спрыгивая с больших глыб - ноги сами машинально выбирали путь, голова не успевала даже сообразить. Чувствую, что Сабир

отстаёт. Останавливаюсь, оглядываюсь и вижу, что он как-то осторожно прыгает по камням. «Сабир, пошевеливай ногами! Устал, что ли?» - нетерпеливо кричу ему. Он догнал меня и спокойно так говорит: «У меня ноги переломаны были весной, из больницы выписался за две недели до отъезда на практику». Я аж чуть на задницу не сел! Он с травмированным ногами, на которых вот только с месяц назад, как начал вновь ходить, лазает по скалам и скачет по камням, да ещё с рюкзаком за спиной, почти наравне со мной, здоровым и тренированным! Я ему тогда ничего не сказал, так как комок подступил к горлу, отвернулся и поскакал вниз уже медленнее: «Вот это парень, железный Сабир!». В следующих маршрутах я в свой рюкзак стал складывать больше образцов и проб, чем раньше, стараясь не сильно нагружать Сабира….

* * *

Ещё один студент был в тот сезон в отряде, это Олег из Владикавказа. Олег был крупным, спокойным, молчаливым парнем. Запомнился мне только двумя случаями, так как в паре со мной в маршруты он никогда не ходил: Олег очень любил кушать репчатый лук и очень не любил загорать. В первый же раз, когда он оказался за нашим достарханом – большим куском брезента, постеленного на землю, вокруг которого мы все рассаживались, чтобы покушать, он достал из мешка несколько крупных луковиц, почистил их и сложил на брезент рядом с собой. Я сидел рядом, видел всё это и подумал: «Вот какой заботливый парень, на всех лука начистил». И, протянув руку, взял одну луковицу, разрезал на части ножом и стал её грызть. «Это я для себя» - тихо скал Олег. «Ты всё это съешь сам?» - удивился я. «Да» - также тихо ответил парень. Он грыз крупные луковицы, как яблоки, даже не разрезая их на части! За месяц своего пребывания в отряде он съел большую часть мешка лука, которого, как я думал, всему отряду хватит на весь сезон.

И ещё Олег запомнился мне тем, что он всегда – и в маршрутах, и в лагере ходил, одетым в синюю энцефалитку и такие же синие штаны, и никогда, кроме одного раза, я не видел его обнажённым хотя бы по пояс. Все другие парни нашего отряда, как геологи, так и студенты и рабочие, частенько обнажали свои торсы, подставляя не жаркому горному солнцу свои спины, плечи, руки. Женька Кисляков, например, часто ходил в одних штанах с закатанными выше колен гачами и потому сильно загорел. Я тоже любил скинуть в лагере рубашку, если пришёл пораньше с маршрута, и солнышко ещё не скрылось за вершинами гор. А Олег на людях почти никогда не снимал робу.

И вот однажды я подхожу к лагерю и ещё издалека вижу, что возле достархана сидит незнакомый белый мужик, совсем белый, нисколько не загоревший. «У нас кто-то новенький появился?» - задаю я себе вопрос. Подхожу ближе, этот белый человек поворачивается на звук моих шагов, и я узнаю загорелое лицо и кисти рук Олега. «Олег, это ты? Я тебя сзади не признал – долго жить будешь» - вос-

клицаю я. Олег молча улыбнулся. Оказывается, он постирал свою синюю робу, разложил её на камнях на просушку и потому ходил по лагерю в одних трусах…

Глава 6. «Здравствуйте, я ваш повар»

Ещё один интересный парень мне запомнился с того полевого сезона – это наш повар Мурод. Я хорошо помню, как он появился в нашем отряде. К тому моменту прошло уже недели две, как мы начали сезон, а повара в отряде всё не было – варили по очереди, парами, кто что может. Из блюд чаще всего были: на завтрак – суп из бич-пакетов, на ужин – макароны по-флотски с тушёнкой – быстро и сытно. Но уже поднадоело.

В те дни отряд стоял лагерем недалеко от кишлака Кудара, на левом берегу реки. И вот, ближе к вечеру вижу, как по тропе к нам идёт щеголевато одетый, высокий, смуглый парень-таджик в чёрном костюме, белой рубашке, чёрных лакированных туфлях и с чёрным «дипломатом» в руке. Все от такого вида обалдели – по горной тропе шёл городского вида парень с одним только «дипломатом», будто он где-то в центральном парке в Душанбе вечерком прогуливается, а не на весь сезон на работу к геологам прибыл. Подошёл к нам и говорит: «Здравствуйте, меня зовут Мурод, я ваш повар».

Дело шло к ужину, и поэтому мы сильно обрадовались появлению повара: «Давай, готовь ужин, Мурод!» Ответ достоин монолога Михаила Задорнова: «А где тут газовая плита и водопровод?!» Мы долго смеялись, глядя на этого столичного щёголя: «Он хоть соображает, куда он попал? Где ему тут водопровод найдём?!» Отвечаем незадачливому повару: «Кизяк и плавник лежат возле очага, вон там, а вода – в ближайшем роднике, в соседнем саю». Его удивлённую рожу надо было видеть: «Я – повар из столичного ресторана! Мне сказали, что здесь для готовки всё есть».

В первый раз мы помогли Муроду приготовить ужин – традиционные уже макароны по-флотски – ждать, когда он сварит плов на костре, было невмоготу, кушать хотелось. Когда Мурод отведал вместе с нами это нехитрое кушанье, он спросил: «Как называется это блюдо?» Отвечаем: «Макароны по-флотски». «Я не знаю такого блюда, - ответил повар из душанбинского ресторана, - я знаю плов, лагман, бешбармак, шашлык-машлык…» «Вот, что знаешь, то и готовь! Рис есть, морковка, лук и тушёнка – тоже. Давай, Мурод, чтобы завтра на ужин был плов!»

И, надо сказать, Мурод со своими обязанностями справлялся, быстро научился готовить в полевых условиях, без газовой плиты и водопровода, и весь сезон кормил наш отряд хорошо, нареканий не было. А когда нам привезли баранов – мы их называли «ходячей тушёной» - то повар частенько баловал нас настоящим таджикским пловом. Мы, конечно, помогали ему – собирали кизяк, хворост или плавник при возвращении из маршрутов, носили воду из ближайших источников. И вообще, как человек, Мурод оказался компанейским, добрым, справедливым, не хныкающим от трудностей, умеющим постоять за себя парнем.

Как-то раз, после ужина, за неторопливой вечерней беседой у костра, когда каждый норовил удивить собеседников какими-то интересными и геройскими случаями из своей полевой геологической жизни, Мурод рассказал нам о том, как его однажды кусал скорпион. «Работал на поле, кетменём рыхлил почву, и вдруг чувствую, как кто-то ползёт по ноге под штаниной. Не видно, что это скорпион. Я ударил по нему рукой, он укусил меня! Такая сильная боль! Я ударил ещё раз – он снова укусил меня, теперь уже выше по ноге. Очень больно! Я ударил его семь раз – и семь раз он кусал меня! Вай, вай, как было больно! В последний раз я его просто раздавил пальцами сквозь штаны, но он уже успел доползти до колена. У меня поднялся жар, я потерял сознание, ничего не помнил. Потом месяц лечился в больнице, нога сильно распухла, думал – её отрежут. Но, нет, вылечили. А ранки от тех укусов остались» - и, задрав штанину, Мурод показал нам маленькие чёрные пятнышки на правой ноге.

Когда в конце сезона мы прощались с Муродом – он уезжал вместе со всеми рабочими на неделю раньше, Мурод, приложив правую руку к сердцу, приглашал нас в свой столичный ресторан: «Будете в Душанбе, обязательно приходите в наш ресторан, угощу всех по высшей категории! Я вас всех уважаю!» Но больше увидеться с ним не пришлось…

Глава 7. Ишак – друг геолога

Как я уже писал, перебазировка отряда от одной стоянки к другой были вторым по затратам времени, сил и нервов видом деятельности нашего отряда. Стоянки мы меняли часто, через каждые три – четыре дня; за весь сезон их у нас было около тридцати, если вместе с выкидушками. Чаще всего перебазировка делалась на ишаках - для того их нам и дали в отряд. И это было вполне оправдано, так как передвигались мы преимущественно по горным тропам. Но иногда приходилось перебазироваться на ишаках и по дорогам, так как оперативной связи с базой по рации у нас не было, да и гнать за несколько сотен километров, через высокие и опасные перевалы грузовик для того, чтобы перебросить тонну груза и пятнадцать человек на десять – пятнадцать километров было не целесообразно. Это и ежу понятно…

Сразу скажу, что до того сезона ишаков я видел только в кино или по ТВ, и обращаться с ними не умел. У меня был небольшой опыт работы с вьючными лошадьми на производственной практике в Восточном Саяне. Но ишак – это не лошадь! На лошадь одевалась специальная сбруя с вьючным седлом, которая крепилась и снизу, и спереди, и сзади тела лошади. Обычная вьючная лошадь несёт груз весом до ста килограмм. Лошади – это умные, понятливые животные, их не надо гонять палкой, достаточно лишь вести за повод. Но у лошадей есть одно качество, неудобное для дальних путешествий – они едят, как лошади! Их надо кормить хотя бы раз в сутки и желательно овсом, «на травке» лошади быстро

слабеют, устают. А в условиях дальней и продолжительной экспедиции, как наша, овёс для кормёжки лошадей пришлось бы возить машинами, что очень затратно.

Ишаки же, в отличие от лошадей, тупые(!), хитрые и слабые вьючные животные. Самые сильные из этой породы копытных могут переносить по горным тропам не более тридцати пяти – сорока килограмм груза. Но у них есть одно замечательное качество – их не надо кормить! Они сами чего-то, где-то, как-то… Конечно же, вечно голодные наши ишаки не преминут сжевать что-либо, по мнению человека, не съедобное, например, развешанные на кустах для просушки вкладыши от спальников или полотенца. А уж залезть своей наглой мордой в отрядный казан и съесть плов, оставленный поваром на завтрак, - это они всегда пожалуйста и приглашать не надо!

Ишаки на подножном корме – это, согласитесь, очень удобно в дальних экспедициях – хоть и несёт немного, зато совсем не надо кормить! Да и по горным тропам ходить ишаки из памирских кишлаков привычны, в отличие от лошадей или даже своих равнинных собратьев.

За особенности их характеров, внешнего вида и поведения мы всем нашим ишакам дали клички: Наполеон, Кореец, Хиппи, Коричневый, Серый и другие. Самого безропотного, безхитростного и тупого прозвали то ли Спокойным, то ли Тупым. Наполеон был самым рослым, сильным и выносливым молодым ишаком, который быстро распространил своё лидерство – не без нашей помощи – на других собратьев по несчастью, кроме Корейца. Наполеона нагружали всегда больше, чем других, он всегда в караване шёл первым и был не глупым. Он вскоре стал всеобщим любимцем; мне тоже нравилось с ним работать, на переходах я его иногда баловал кусочком сахара-рафинада или сухарём.

Идущий всегда впереди ишачьего каравана, Наполеон иногда попадал в неприятные и даже опасные для своего здоровья ситуации. Однажды на крутом спуске тропы он не удержался и кубарем покатился вниз, только пыль столбом! Вьюки слетели с него, он много раз перевернулся, ударяясь головой и ногами о камни. Думали, что совсем убился. Наполеон долго отлёживался, потом, прихрамывая и мотая головой, встал на дрожащие ноги – живой! Было и радостно и горестно смотреть на несчастного, боялись, что останется калекой – у него правый глаз сильно пострадал. Несколько дней его не нагружали, он ходил свободным, и ему это понравилось. Вскоре Наполеон оправился полностью, только правый глаз закрылся бельмом.

Полной противоположностью Наполеону был Кореец - самый старый и низкорослый ишак почти чёрной масти, с кривыми ногами и хитрой мордой. Кореец был неглупым, по ишачьему даже умным, упрямым и очень хитрым ишаком. Видимо, таким его сделала его долгая ишачья жизнь. Я думаю, что его жизненное кредо можно было охарактеризовать одной известной фразой – «подальше от начальства, то есть от людей, загружающих работой, - поближе к кухне». Кореец был инициатором всех многочисленных побегов, увлекая с собой ещё двух – трёх «подельников». Благодаря своей узкой морде и жизненному опыту он, пятясь задом, вылезал из любой петли на шее.

Он всегда старался откосить от своей ишачьей обязанности – нести вьюк. Он даже с грузом норовил сбежать куда-нибудь в сторону, если его погонщик на минутку отвлёкся. Кореец доставлял нам больше других ишаков забот и хлопот. Но, в то же время, он был храбрым ишаком и мог схватиться в драке с более крупным и сильным Наполеоном, которого невзлюбил с самого начала сезона.

Алик на Корейце – мой друг в поход собрался! Прежде, чем ехать куда-либо на Корейце, надо внимательно изучить линию судьбы на ладони… и, может быть, не ехать…

Обычно Кореец нёс самый лёгкий и удобный груз – два спальника и чей-нибудь лёгкий рюкзак. От более тяжёлого или громоздкого груза он нас отучил, и сделал это очень хитро. Когда к нему подходили с вьючным седлом – это две тонкие дощечки длиной и шириной, как след от валенка сорок пятого размера, соединёнными друг с другом двумя маленькими, изогнутыми в дугу железными трубками, - Кореец незаметно раздувал грудную клетку и так и стоял, пока его навьючивали. Стоило было только отойти от него, он выдыхал воздух, подпруга ослабевала, и вьюк переворачивался вниз, сползая с круглой спины Корейца вместе с седлом. Мы не сразу раскусили эту его хитрость, приходилось снова навьючивать хитрого ишака, посильнее затягивая подпругу. Но всё повторялось сначала – ишак выпускал воздух из лёгких, и вьюк снова был у него под пузом.

Вскоре и некоторые другие ишаки стали использовать этот коварный приём. Для того, чтобы сильнее затянуть подпругу, нам приходилось делать это вдвоём, упираясь в бока ишака коленками и натягивая концы подпруги изо всех сил. Но, после того, как навьюченный ишак делал два – три шага и выдыхал воздух из лёгких, вьюк, с таким трудом притороченный на его спину, снова сползал набок или вовсе под пузо. Приходилось всё начинать сначала. Однажды наш повар Мурод даже взобрался на ишака сверху, встал на его спину ногами и тянул подпругу изо всей силы вверх, желая затянуть её понадёжнее. Бедный ишак от такой экзекуции только кряхтел и испускал другие звуки, стоя на широко расставленных ногах.

Нам пришёл на выручку опытный ишакогон, наш завхоз Абдульчик - он научил нас, молодых и неопытных, контрприёму. «Не надо пыжиться – тужиться, - сказал Абдульчик, видя, как Мурод и Ахмад со всей силы пытаются затянуть подпругу на ишаке, - надо по-хитрому, коленкой».

Хавраздара. Повар Мурод и студент Ахмад завьючивают ишака.

Он подошёл к ишаку, над которым издевались эти двое, взял подпругу, коленкой двинул ишака под рёбра и сразу резким движением затянул подпругу. «Вот и всё! – сказал, улыбаясь, Абдульчик, - а вы тянете, тянете; умнее надо быть, чем ишак!»

Управлять движением завьюченного ишака оказалось не сложно, надо было только понять особенности его поведения. Поначалу я пытался тянуть ишака за верёвку на шее подобно тому, как ведут лошадь за повод. Но трусливый ишак боится человека и тормозит или тянет в сторону. Поэтому надо встать сзади его, стегнуть хворостиной или пнуть по ляжке носком триконя, и он пойдёт вперёд. Если необходимо повернуть ишака вправо, то надо показать ему палку слева, если влево, то – справа. Вот и все правила управления.

Глава 8. «Переправа, переправа – берег левый, берег правый…»

Переходы вброд через бурные горные ручьи и речки требовали другой тактики. Подойдя к водной преграде, мы останавливали ишаков, согнав их в кучу, чтобы не разбрелись, и кто-либо из парней, часто это были либо Вадим, либо я, начинали искать брод, переходя речку несколько раз туда – сюда. Найдя брод, мы брали ишаков за верёвки на шее и вводили в речку по очереди, один за другим. Если какой-то ишак упирался, то кто-то из парней подгонял его сзади пинками. Войдя по брюхо в бурную речку, ишак уже больше боялся этой речки и смирно

шёл за поводырём. Если течение было сильное, а брод глубокий, то ишаков переводили по одному вдвоём – один крепко держал за верёвку на шее ишака, другой – за вьюк или за основание его хвоста, чтобы ишака не снесло бурным течением.

Другие парни в это время стояли на берегу, готовые броситься в любой момент в речку и помочь, если снесёт поводырей вместе с ишаком.

Переправа через устье Хавраздары у кишлака Пасор. Женя Кисляков и Сабирхан переводят ишака с грузом.

Такое иногда случалось…

Все эти переброды через речки и переходы по хлипким мостикам часто сопровождались разными короткими приключениями, чаще комичными, реже – трагичными. Мы с Вадимом – заядлые фотографы – пытались заснять все эти случаи на плёнку, но не всегда это удавалось, так как от этой самой работы нас никто не освобождал. В какой-то момент мы даже с Вадимом договорились, что на следующий сезон возьмём с собой в отряд портативную кинокамеру, типа «Ангары», и по очереди будем снимать все эти коллизии с переправами – перебродами, невзирая даже на порой трагичную развязку событий, чтобы запечатлеть эти события для истории. И это было правильное решение – со временем многое забывается, стирается из человеческой памяти – так уж она устроена, а фотография, кино- и видеозапись – это факт! Посмотришь и вспомнишь….

Вот ещё один случай из серии «переправа». Где-то на правом борту Кудары переходили всем караваном через горбатый каменный мостик, соединяющий два берега бурной речушки. Мостик был сделан из кривых стволов деревьев с кривыми же толстыми сучьями, на которые сверху были уложены плоские камни. Между камней зияли дыры. Мы не стали развьючивать ишаков, так как мостик небольшой, крепкий и можно было переводить гружёных ишаков по одному, как обычно, придерживая спереди и сзади. Начали переводить ишаков. В случае, если ишак попадал копытом в дыру, то его вовремя подхватывали, не давая упасть. Таким способом мы быстро перевели всех ишаков с одного берега на другой через этот горбатый мостик. Остался один ишак, самый безропотный и спокойный из всех ишаков. За это его качество – спокойствие – на него грузили самое ценное, что у

нас было – секретный вьючник с топокартами, аэрофотоснимками (АФС), отрядной кассой. В противовес секретному вьючнику вешали небольшой баул с продуктами.

И вот этот спокойный ишак с секретным вьючником остался на том берегу один, а все остальные его четвероногие собратья - уже на этом. И никого из парней на том берегу тоже не оказалось. И самый спокойный ишак, видимо, вдруг испугался, что его бросили одного на съедение волкам, и сам пошёл через горбатый мостик! Мы все замерли – было очевидно, что без посторонней помощи ишак вряд ли перейдёт щелястый горбатый мостик. Бежать ему навстречу, чтобы перехватить, было уже поздно – он уже вступил на мостик и, если бежать к нему, то наверняка он испугается, рванётся назад и свалится в речку.

Дальше это драматическое событие разворачивалось, как в замедленном кино. К сожалению, никто из заядлых фотографов даже не вспомнил о своём фотоаппарате – нам было не до съёмки. Вот ишак осторожно идёт по мостику, растопырив свои мослы и склонив голову вниз, видимо, выискивая дыру побольше… Вот его переднее левое копыто скользит по гладкому камню и попадает в дыру… Вот ишак медленно, как бы нехотя, заваливается набок, теряет равновесие и - бултых! Опрокидывается в стремительный, бурлящий поток! Как сейчас помню это трагичное мгновение.

Сильный поток начал крутить несчастного ишака с вьюками, как спичечный коробок. Над водой показывалась то его голова, то его ноги, то голова, то ноги… А метрах в пятидесяти или шестидесяти ниже по течению речушка впадала в мощный водоток Кудары, попади в который ишак бы уже наверняка утоп.

Мы бросились вдогонку за тонущим ишаком по обоим берегам речки, крича: «Прыгай! Хватай его! Тащи! Скорей! Лови вьючник!» К нашему счастью секретный вьючник сорвало потоками воды со спины ишака, и он поплыл, увлекаемый быстрым течением. Витёк Бибин бросился в речку, схватил вьючник и вытащил его на берег. Слава Богу, «секреты» спасены!

Мы все прекрасно понимали, чем рисковали в тот драматический момент. В те советские времена дисциплина обращения с секретными материалами была очень строгой, а ответственность за малейшее её нарушение - очень суровой. За потерю где-нибудь в маршруте одного листа топокарты геолога лишали премии, объявляли «строгача» с занесением в личное дело и могли лишить даже допуска к работе с секретными материалами. А это почти автоматически означало лишить его работы, так как вся наша работа, так или иначе, была связана с использованием различных секретных материалов, от простых топокарт и АФС до отчётов с двумя-тремя нулями. Нам тогда страшно было даже представить, что спецчасть экспедиции могла бы сделать с нами в случае утери всех «секретов» отряда. Думаю, что скорее всего отряд бы расформировали, начальника бы сослали на Колыму шурфовщиком пожизненно, а всех остальных, в лучшем случае, перевели бы в разнорабочие с запретом работать с «секретами» на всю оставшуюся жизнь.

Но, слава Богу, секретный вьючник был спасён. Но он был полон воды, а открыть его мы не могли, так как ключ от замочка был у Рахимова. А тот, как

обычно во время всех перебазировок, маршрутил где-то по ближайшим горкам. И это было его счастьем, так как от вида тонущего ишака с секретным вьючником он мог бы поседеть в один миг. Замочек пришлось срывать, сбивая его молотком. Воду из вьючника вылили, а все топокарты и АФС разложили на камнях для просушки.

А ишака тоже спасли, вытащили его, нахлебавшегося воды и в состоянии ступора от общения со смертью, на тот же берег, с которого он и пошёл на роковой мостик. С полчаса ишак стоял, широко расставив ноги; из всех его дырок лилась вода… Когда он оклемался, его осторожно перевели через злополучный мостик, снова навьючили на него секретный вьючник, и караван пошёл дальше…

* * *

Надо сказать, что этот секретный вьючник попадал в подобную ситуацию и раньше. Тогда он был приторочен с левой стороны к спине ишака по кличке Коричневый – так мы его назвали, не особо мудрствуя, за тёмно-коричневую масть его шерсти. Так вот, тогда наш ишачий караван шёл по узкой тропе, петляющей по крутому, изрезанному промоинами борту сая. В одном месте тропа огибала выступ скалы. Коричневый упёрся углом вьючника в этот выступ, ему не хватило сантиметров пять – шесть расстояния и несколько десятков извилин в его мозгах, чтобы пройти, не задев скалу. Ишак дёрнулся раз, другой, но вьючный ящик каждый раз упирался углом в скалу. Тогда Коричневый дёрнулся ещё сильнее; от удара о скалу углом вьючника его тело отбросило немного вправо, копыта задних ног соскочили с тропы, и ишак кубарем через спину повалился вниз.

Склон горы в этом месте был очень крутой, но на счастье ишака высота до дна сая была небольшой, метров семь – восемь, а внизу густо росли кусты. Коричневый упал спиной вниз, задрав копыта вверх, и повис на кустах. Вьюки и кусты смягчили удар. Мы быстро спустились вниз, развьючили ишака, поставили его на ноги, потом вытащили его и груз обратно на тропу, снова навьючили ишака, дали пинка триконем под зад посильнее – за его тупость и наше потерянное время – и он снова пошёл в караване дальше. В тот раз ишак не пострадал, секретный вьючник - тоже, но больше его на Коричневого не вешали –вышел из доверия…

Глава 9. «Мы так давно, мы так давно не отдыхали, нам было просто не до отдыха с тобой…»

Справедливости ради надо сказать, что мы не только работали, но иногда и отдыхали – расслаблялись. Этих случаев в плотном графике рабочего ритма отряда было всего, по моему подсчёту, четыре или пять, не считая вынужденного простоя в самом начале полевого сезона. Четыре или пять случаев отдыха на почти четыре с половиной месяца напряжённой работы, можно сказать – пахоты.

Очевидно, что мы почти не отдыхали. Трудовой ритм отряда был не подвластен дням недели или окончанию месяцев: три – четыре дня маршрутов и шлиховки, потом один день перебазировки лагеря, и снова три – четыре дня геологической работы от лагеря или с выкидушки, возвращение в лагерь, и на следующий день – снова перебазировка. И всё повторялось сначала.

Первый раз мы немного расслабились, когда наш отряд, не солоно хлебавши в долине Кокуйбеля и вернувшись назад, перебрался на машине через перевал Аильутек в долину Танымаса и по его левому берегу добрался, без всякой работы, до кишлака Кудара.

Наше появление в Кударе совпало с началом летнего завоза в центрально-памирские кишлаки. Первые машины завоза шли с бормотухой, которую в долинных кишлаках и городках никто уже не покупал. Вторая партия машин завоза была с водкой и другими крепкими напитками, третья – с мукой, сахаром, четвёртая – со всем необходимым для жизни оторванным от цивилизации центрально-памирцам. Истосковавшиеся по выпивке за долгую зиму и весну, когда перевалы закрыты, жители кишлаков выпивали сразу всю бормотуху, которую привозили первые машины завоза. В эти дни в кишлаках не было трезвых – пили все, от подростков до убелённых сединами старожилов, и мужики и женщины…

Вот в эти «пьяные» дни мы и пришли в Кудару и стали лагерем на левом берегу Кокуйбеля, немного выше от места его слияния с Танымасом. Начальник отряда Рахимов послал гонцов в кишлак, и они принесли бормотухи. Портвейн «Голубой Нурек» - подозрительная жидкость коричневого цвета с хлопьями осадка, но вполне «оборотистая», в голову хорошо ударяла. Так мы отметили начало сезона…

* * *

Следующая расслабуха – веселуха была примерно через месяц, когда большая часть отряда вернулась из долгой и тяжёлой выкидушки в верховье Хавраздары. Работали по «верхам», на износ, со скудной кормёжкой консервами, так как повар и кухня оставались в базовом лагере, в устье Хавраздары, возле кишлака Пасор. Помню, что мы вернулись из выкидушки ближе к вечеру, уставшие, привычно быстро поставили свои палатки рядом с уже стоявшими в широкой, каменистой пойме речушки.

Мурод заранее приготовил хороший ужин, Рахимов организовал выпивку, и веселье началось… Ели - пили, пели - плясали – кто во что горазд. Пляски мы устроили на пустынном берегу речки, рядом с палатками: кто-то бряцал на гитаре, я пытался отбивать ритм ложками по кастрюлям и вёдрам, другие ребята и девушки - геологи, студенты и работяги скакали-плясали и дурачились, кто как умел и кому как хотелось.

Этот безплатный концерт наблюдали сверху, с высокой террасы, на которой стоял кишлак, местные ребятишки. Наверное, им прикольно было со стороны всё это наблюдать. Веселье затянулось до ночи, когда уставшие от плясок мы собра-

лись в женской палатке и стали петь песни. Помню, что Эля очень любила петь романс про летучую мышь:

- Ведь я - институтка, я дочь камергера,
Я – чёрная моль, я летучая мыш-шь!
Вино энд музчины – моя атмосфэра,
Приют эмигрантов, свободный Париж… -

- томно пела Эля, глядя куда-то поверх наших голов.

Я пытался петь любимую тогда песню о бродяге с Байкала:

- По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт,
Унылую песню заводит,
О родине что-то поёт… -

- так же уныло тянул я один, без какой-либо поддержки.

Эта наша гулянка закончилась далеко за полночь. На следующее утро, часам к десяти, мы кое-как оклемались, и Рахимов распинал нас по маршрутам и работам, а сам остался в лагере, якобы камералить.

Я со студентом Сабиром пошёл маршрутом недалеко от лагеря, по правому берегу Кудары. Голова гудела и ничего не соображала, да ещё поднявшееся солнышко уже хорошо припекало… Короче говоря, короткий маршрут я кое-как прополз, что-то там писал… Со склона горы мне было видно, как из лагеря вышли Эля с Алкой и поплелись куда-то по склону горы за кишлак. Парни-техники Витёк, Женька и Алик с двумя рабочими копали шурф в долине Кудары, видимо, с целью промывки речных отложений на золото…

Самое интересное заключалось в том, что за всем этим с другого берега Кудары наблюдал в бинокль главный геолог ПГРЭ Г.С. Аверьянов! Оказывается – об этом нам вечером рассказал злой Рахимов, уже вернувшийся от начальства, - Аверьянов накануне поздно вечером приехал на УАЗике с целью посетить с проверкой наш отряд. Но в темноте водитель не нашёл моста через реку, и им пришлось ночевать в машине на дороге. Утром Аверьянов в бинокль узрел наш лагерь на другом берегу реки и потом долго наблюдал за тем кто, где и чем занимается…

Рахимову тогда влетело крепко за разложение трудовой дисциплины, Эле пришлось доказывать, что она была в маршруте… Анатолию и ей, как старшим в отряде, досталось тогда от главного геолога крепко. А нам, молодым, выдавал уже «на орехи» злой Рахимов. Да, ситуация получилась неприглядная…. Надо же было случиться такому совпадению!

* * *

Ещё один выходной выпал нам уже в начале сентября. В те дни наш отряд расположился лагерем в долине Бартанга, на просторной поляне среди зарослей облепихи. Помню, что вечером меня позвали в командирскую палатку. Когда я вошёл, там были уже все наши итээровцы – Эля, Вадим, Женька, Витёк, Алик. Разговор был об отдыхе. Эля требовала от начальника отряда два дня выходных, так как большая часть сезона уже позади, основная часть работы выполнена, и все устали. Она была права – отряд больше трёх месяцев работал без полноценного отдыха, те «разгрузочные» вечера, о которых я рассказал – не в счёт. Из-за усталости людей в отряде чувствовалась напряжённость, нервозность в отношениях. Даже всегда спокойный и улыбчивый повар Мурод и тот вспылил и что-то резко ответил на таджикском нашему шофёру, привёзшему продукты. Они даже сцепились за грудки. Это было в тот же вечер, у костра.

Рахимов сопротивлялся, говорил, что ещё много работы, что не успеваем, что отдохнём, когда выполним план… Эля настаивала на своём и предложила всем собравшимся проголосовать. Мы, конечно, поддержали Элю, чего Рахимов, видимо, не ожидал. Он пошёл на попятную: «Ну, хорошо, один день отдыхаем». Эля, видя нашу поддержку, настаивала на двух днях отдыха. Они какое-то время препирались, и Рахимов почти сдался: «Ну, хорошо, один день отдыха и один – камералка». На этом и согласились, компромисс был найден – камералка, конечно, не отдых, но хоть в маршрут идти не надо….

Я помню блаженство следующего утра и начала дня, когда можно было выспаться и поваляться в спальнике, не торопясь вставать потому, что никуда не надо было идти. К нашей радости, и погода была замечательная, и на дастархане стояли коробки с вкусностями – печенье, миндаль в сахарной глазури, изюм - в шоколадной. Но самая большая радость – это целый день безделья! Я неспешно бродил по окрестностям, объедался уже спелой облепихой, она была крупной, а ветки – без колючек...

Глава 10. В гостях у Усто-баши

И ещё раз мы отдыхали в самом конце сезона, в первой декаде октября, когда уже все работы были завершены и рабочие уехали. Мы поселились в доме на краю большого, краси-вого кишлака Савноб, одного из последних из всех кишлаков, пройденных нами за долгий сезон.

Бартанг. Кишлак Савноб

Мы ожидали машины, которые вывезут нас и наших ишаков на базу ПГРЭ в Мургабе. Было уже холодно, поэтому палаток ставить не стали – у нас не было печек, а пошли на постой к кишлачным. Староста кишлака, саид, поселил нас в большом доме, хозяин которого работал на метеостанции на Сарезском озере и должен был через два дня вернуться. Молчаливая хозяйка отвела нам одну большую комнату - гостевую, в которой мы все, восемь человек – итээровский костяк отряда, и разместились…

Рахимов сказал, что нам надо угостить местное начальство, ублажить его так, чтобы оно подписало акт списания об утонувшем ещё в начале сезона ишаке. От того несчастного не осталось ни шкуры, ни копыт, ни ушей и, как объяснял Рахимов, экспедиционное начальство могло подумать, что мы его продали или пропили, и списать с нашей зарплаты стоимость ишака, чтобы компенсировать ущерб его хозяину. А чтобы этого избежать – никому не хотелось платить за утонувшего ишака – надо, чтобы местное начальство подписало соответствующий акт. А по местным неписаным правилам «на сухую» такие акты не подписываются, надо сначала задобрить саидов, хорошенько угостить их.

Его логика была понятна, но угощать-то нам саидов, а их по подсчёту Рахимова набиралось аж семь человек – председатель кишлаксовета и его зам, староста, нач. почты, нач. гаража, директор школы, ветеринар - было почти нечем. У нас из всех продуктов остался только один баран, несколько килограммов муки и столько же риса, да немного хлопкового масла. Мы и питались-то последние дни одним рисом, как китайцы… Чем тут угощать?

Думали-думали, и вдруг, по-моему, Эля предложила: «А давайте, наляпаем пельменей!» Эта идея понравилась, так как это блюдо местные не знали, и для их приготовления у нас всё было. Кроме мясорубки! Но мы нашли выход и из этой ситуации – как сделать фарш без мясорубки. И работа закипела: пока Эля с Алкой заводили-месили тесто, парни, поднаторевшие за долгий сезон в разделывании баранов, быстро свершили жертвенную казнь невинного агнца – головой на восток, «облисполком!», ножом по горлу, кровь – в землю, к предкам, шкуру – долой, голову и копыта – в одну сторону, тушу – в другую. Всё, «бисмилля-рахмон-рахим!» Мясо срезали с костей, отбили для мягкости кувалдой, обмотанной чистой тряпицей, потом долго кромсали на мелкие кусочки большими ножами, обошлись без мясорубки – «голь на выдумки хитра!»

Кишлак Савноб. Вадим кромсает мясо, а Алка лепит пельмени.

Накромсали целый таз мяса и стали крутить, лепить пельмени. Лепили все, кроме Рахимова – он пошёл созывать гостей. Налепили пельменей тазик с горкой, посчитали – прослезились: гостям – по десять, нам всем – по пять штук. «Ладно, не до жиру, главное – саидов задобрить, чтобы акт подписали».

И вот собрались гости саиды. Нас всех Рахимов представил главному из них, председателю кишлаксовета, молодому, но уже толстому мужику с надменной мордой. Он всем нам слабенько пожимал руку своей пухлой рукой и говорил, прикладывая левую руку к своей груди: «Очень приятно, но ничем не могу помочь!» «Да не нужна мне твоя помощь!» - подумал я в ответ. И началось застолье – угощенье, пьянка – гулянка. Пельмени пошли «на ура», съели их быстро. Потом Рахимов, знаток Востока, начал длинные разговоры о местной природе, о хорошей погоде, о несчастных ишаках…

Мне это быстро надоело, и я вышел на улицу, на бодрящий осенний ветерок. Осень окрасила высокие, стройные пирамидальные тополя и раскидистые кустарники, вольно растущие на окраине кишлака, в жёлтые, оранжевые, красные цвета. А сверху, над тополями и горами, простиралось пронзительно чистое, си-

нее небо. Я долго бродил по околице кишлака, потом вышел на высокий, обрывистый берег Бартанга, шумевшего внизу, в ущелье. Неожиданно для себя на скале, над самым обрывом, обнаружил развалины небольшой древней крепости - в длину примерно метров тридцать, в ширину – до пятнадцати. Полуразрушенные стены были сложены из дикого камня, скрепленного каким-то цементом. Крепость состояла из множества отдельных ячеек-комнат, соединённых друг с другом проходами. Холодный осенний ветерок давно уже выгнал хмель из моей головы, но возвращаться в дом, где ещё продолжалось застолье, не хотелось….

Гости разошлись только к вечеру. Ночь и утро следующего дня прошли спокойно. А днём, ближе к обеду, вдруг появился хозяин дома Усто-баши. Это был крупный памирец лет сорока – сорока пяти, с богатой шевелюрой чёрных волос и такой же чёрной окладистой бородой. Увидев в своём доме гостей, он что-то рыкнул жене, тихой, скромной женщине, и та вдруг засуетилась, начала готовить угощение на всех. И это было очень кстати, так как нам уже почти нечего было кушать. Вскоре опять все собрались за достарханом в «нашей» комнате - гостиной. Рахимов достал последнюю бутылку водки, Усто-баши тоже выставил одну. Хорошо посидели, сытно поели. Хозяин интересно рассказывал о своей работе, что, мол, работает гидрологом на метеостанции на Сарезе, которая находится недалеко от Усойского завала, и что он пришёл домой на отгулы на несколько дней.

Усто-баши поведал нам печальную историю образования Сарезского озера в результате крупного оползня после землетрясения в феврале 1911 года. Тогда ночью, после сильных подземных толчков часть горы на правом борту реки Мургаб, напротив небольшого кишлака Усой, свалилась гигантским оползнем-обвалом вниз, перегородила всю долину и полностью погребла под собой весь кишлак. Все жители погибли в своих домах. Спасся только один молодой парень, который был в ту ужасную ночь в соседнем большом кишлаке Сарез, куда его пригласили на свадьбу. Тот парень и сейчас живой, только уже почтенный старик. И ещё Усто похвастался, что его именем названа одна из горных вершин на правом борту Сарезского озера. Личность Усто-баши была очень колоритная, внушающая уважение.

Когда две бутылки были выпиты, Усто-баши, которому, я думаю, одному было бы их мало, спросил Рахимова: «Водка ещё есть?», на что тот честно признался, что «эта была последней, и денег у него больше нет». Тогда гостеприимный хозяин хлопнул в ладоши и крикнул: «Бача!» («Сынок!») Прибежал мальчишка лет десяти и покорно встал рядом, глядя на отца. Усто что-то ему сказал тихонько на своём языке и сунул в детскую ладошку, сложенную в несколько раз денежку. Бача вернулся через несколько минут и аккуратно положил на достархан две бутылки водки. Задушевная беседа продолжалась до вечера… Жена хозяина только успевала подносить угощение…

На следующее утро, мы ещё не успели вылезти из спальников, в комнату зашёл Усто-баши и заботливо спросил Рахимова: «Голова болит?» Тот закивал головой: «Болит» Усто хлопнул в ладоши и позвал: «Бача!» Снова появился тот же мальчишка и, убежав с денежкой в руке, вскоре вернулся и так же аккуратно

положил на достархан две бутылки водки... Так продолжалось ещё два дня с утра и до вечера. Очень гостеприимный был хозяин Усто-баши!

Я не мог долго есть и пить, и вскоре уходил побродить в окрестностях кишлака. Вернувшись через два – три часа, видел уже изрядно подогретую водкой и задушевной беседой теплую компанию – Усто, Рахимов и кто-то из парней. На следующее утро всё начиналось сначала: «Голова болит?» - «Болит» - «Бача!» и на достархан ложились очередные две бутылки…

Мы прожили в доме Усто-баши пять дней. За это время, пока мы веселились и задушевно общались с хозяином, местные увели трёх наших ишаков. Заметили мы это поздно, когда искать уже было безполезно. На наши расспросы об ишаках местные хитро улыбались и говорили: «Волки, наверное, съели ваших ишаков». Но на свежевыпавшем ночью снегу хорошо было видно, что ишачьи следы уходили по тропе в горы, а рядом тянулись человеческие следы. Мы поняли, что надо спасать оставшихся ишаков и загнали их в загон рядом с домом Усто-баши.

Глава 11. Выезд с участка

На шестой день пришли две машины: ГАЗ-66 с тентом для нас и грузовой ЗИЛ для ишаков. Загрузив ишаков в кузов ЗИЛа, и отправив его, мы закидали отрядное снаряжение в кузов ГАЗ-66, сами забрались поверх него под тент, помахали руками гостеприимному хозяину и поехали.

Но не успели мы проехать и часа, как машина остановилась возле одного из домов на окраине ближайшего кишлака Рухч. Наш шофёр опрокинул кабину ГАЗ-66 и сказал: «Что-то с мотором. Вы пойдите, попейте чаю, пока я тут ковыряюсь – обед уж скоро» - «Какой чай?! Какой обед?! Мы только что отъехали, а впереди ещё ехать и ехать!» Но из ближайшего дома уже выскочил хозяин и стал нас зазывать в гости: «Чай попьёте - отдохнёте, туда – сюда…» - не каждый день возле его дома останавливается машина с такими уважаемыми людьми, как геологи ПГРЭ.

Я не сразу догадался, что это была хитрая уловка нашего шофёра, который не спешил уезжать от своего приятеля – хозяина дома. Чаепитие затянулось, подошло время обеда. Рахимов говорит: «Пообедаем и поедем». Но в доме собралось столько уважаемых людей – соседей и родных хозяина, что не уважить их долгим застольем было нельзя. Обед плавно перешёл в ужин, и мы уже никуда не спешили, уезжать от таких гостеприимных людей уже не хотелось… Веселились до полночи – ели, пили, плясали тут же, возле дастархана, вокруг печурки и на лежанках. Спали вповалку, кто, где нашёл место, в той же большой комнате, где и пировали…

Наутро быстро сели в ГАЗ-66 и поехали, теперь уже без остановок. Под брезентовым тентом хозяйничал студёный ветер, когда машина преодолевала уже заснеженные перевалы, в том числе самый высокий, Акбайтал («Белая ло-

шадь», выс. 4665 м). Нахлобучив капюшоны ветровок, жались друг к дружке, чтобы хоть как-то согреться – тёплой одежды у нас не было. Когда стало невмоготу от пронизывающего ветра, начали горланить песни – до хрипоты, чтобы не заснуть и не замёрзнуть.

В Мургаб приехали ночью, настолько замёрзшие, что, когда все ввалились в тёплый домишко сторожа базы и стали отогреваться горячим чаем, Алик вдруг потерял сознание и грохнулся мешком на пол. Его быстро вытащили на холодное крыльцо, расстегнули куртку и рубашку, и он вскоре очухался.

Так закончился тот памятный для меня полевой сезон на Центральном Памире в Бартангском отряде Буеджульской партии ПГРЭ.

* * *

На следующий день, попрощавшись с ребятами, которые улетали ближайшим рейсом в Душанбе, я поехал на Заречный – надо было забрать свои зимние вещи, оставленные там ещё весной. Свой рюкзак, чтобы не таскать его туда-сюда, я решил оставить в домике сторожа базы, у которого накануне вечером пили чай. В рюкзаке были деньги, приличная по тем временам сумма – больше тысячи рублей, почти весь мой заработок за тот сезон! Зарплату нам в отряд привозили каждый месяц, вот и скопились деньги. Я сказал сторожу памирцу, что в рюкзаке есть деньги – на случай, если вдруг их кто-то захочет украсть, чтобы он был ответственным за сохранность. Как это было наивно с моей стороны…

Вернувшись через три часа с Заречного, я ещё не успел войти в ворота базы, а навстречу уже бежит жена сторожа и плачет: «Ой! Пропил деньги! Ой! Пропил деньги!» У меня сердце ёкнуло: «Вся моя зарплата пропала!» Я заскочил в домик и увидел на полу лежащего бездыханно сторожа - он был в стельку пьян. Бросился к рюкзаку, судорожно стал считать кипу денег. Два раза пересчитал – не хватает трёшки! Я успокоился – всего-то три рубля пропил сторож. Какая малость для меня, а ему хватило напиться в стельку, до безсознания. Не стал я ругаться, да это было и безполезно, закинул рюкзак на спину и ушёл с базы.

Вскоре самолёт унёс меня в Душанбе. Больше на Памире я не бывал…

Глава 12. Встречи - расставанья

Помню, как на стоянке у Кудары мы повстречались с горными туристами, пришедшими и расположившимися лагерем недалеко от нас, в один из последних дней нашего пребывания там. Их было человек шесть или семь, они были немного постарше нас, около тридцати, с обгоревшими под высокогорным ультрафиолетом лицами. Туристы завершили многодневный траверс по горным хребтам и перевалам в районе пика Революции и решили отдохнуть на берегу Кокуйбеля перед выездом в цивилизацию. Помню, что мы предложили парням сыграть с нами в футбол, но те отказались, сославшись на сильную усталость.

Кроме этой группы, я встречался с туристами ещё дважды: один раз, когда мы работали на выкидушке в верховьях одного из правых притоков Кудары, то ли Хабарвив-хаца, то ли Язгулёмдары, который стекает с южных склонов высокогорного массива пика Революции.

Тогда я был в маршруте один. Подошло время обеда, и я, приглядев ещё издали небольшую куртину деревьев, решил перекусить в их тенёчке, как говорится «чем Бог послал». Подойдя ближе, я увидел, что там уже расположились на обед двое парней – альпинистов. Поздоровался, завязался не хитрый разговор. Парни были из какого-то подмосковного города, вроде Звенигорода. Я вскипятил на небольшом костерке в чефирбачке родниковой воды для чая – родник был рядом, среди деревьев. Парни тоже вскипятили воду в узких котелках, но бросили туда бульонные кубики. Я достал из рюкзака банку кильки – мы называли её «братская могила», в которой в томатном соусе плавали головы, хребтики и хвостики той кильки, ещё достал пару сухарей и луковицу – вот и весь мой нехитрый обед. Альпинисты же кушали с бульоном галеты, потом, с чаем – изюм и шоколад. Меня они угостили плиткой шоколада…

Помню, что я тогда немного позавидовал их рациону питания - он был более калорийным, чем мой обед. А ведь мы, геологи-поисковики, проходили за день маршрутом и подходами-отходами не меньше, а то и больше километров по тем же горам, что и те туристы-альпинисты. Конечно, мы не покоряли высокие вершины, но зато работали в горах не две-три недели, как альпинисты, а месяцами. И ещё я тогда подумал, что у нас, геологов ПГРЭ, всё-таки есть одно, но важное, преимущество перед хорошо экипированными альпинистами – мы своё снаряжение и продукты перевозим по тропам на ишаках, а они – тащат на себе.

В тот же день, после обеда, я видел их переброску от одной стоянки к другой. Сижу на точке наблюдения недалеко от тропы, ведущей в верховье сая, описываю обнажение, и вдруг вижу, что по тропе снизу поднимается группа альпинистов с огромными рюкзаками на спинах. От тяжести своих рюкзаков парни согнулись, чуть не до земли, и я даже услышал их затруднённое дыхание. Они шли молча, пыхтя и не глядя по сторонам, а только на ноги впереди идущего. Я не стал их приветствовать, чтобы не сбивать с налаженного ритма ходьбы, и они прошли мимо, не заметив меня.

Интересно то, что минут через двадцать я тоже пошёл вверх по саю, рядом с тропой, и метров через сто пятьдесят или двести спугнул небольшое стадо горных козлов – кииков. Козлы, видимо, отдыхали на днёвке недалеко от тропы, на покатом скальном бугре – «бараньем лбе», как называют их геоморфологи. Я их поднял с лёжки. А альпинисты прошли мимо и козлов не потревожили – так были увлечены своей тяжёлой работой…

Потом мы от местных узнали, что эта группа горовосходителей на свою вершину не взошла, потому что в другой группе, поднимавшейся на ту же гору, случилось ЧП – один из альпинистов сорвался со скалы, травмировался, и его надо было срочно спускать вниз. И эти парни прервали своё восхождение и участвовали в спасаловке. Честь им и хвала! Вот так бывает – готовились, готовились,

приехали за тыщи километров, надеялись взойти на вершину, а судьба распорядилась иначе…

Помню ещё один случай встречи с туристами. Когда наш отряд стоял лагерем недалеко от кишлака Нисур, расположившегося на левобережной террасе Бартанга, немного ниже того места, где заканчиваются многокилометровые теснины реки, к нашему, левому, берегу причалили три байдарки, в каждой по одному – два человека. Это было вечером, уже в сумерках. Видимо, пройдя пороги и теснины Бартанга, водники решили заночевать рядом с кишлаком. До места их причаливания было далековато, да и время было уже позднее, и мы в гости к ним не пошли. Через некоторое время с их стоянки донеслись громкие голоса и пение – водники расслаблялись после трудного сплава….

На следующее утро мы видели, как туристы загружали в байдарку своего товарища, видимо, перебравшего накануне. Когда их байдарки проплывали мимо нашего лагеря, мы крикнули водникам: «Привет, славяне! Вы откуда?». В ответ те подняли вёсла вверх и донеслось: «С Питера!»

Глава 13. День рождения – это праздник

Примерно в середине сезона у одного из наших рабочих таджиков случился день рождения. Парень принёс откуда-то большой арбуз, Мурод приготовил праздничный ужин, Рахимов сказал тост, все поздравили именинника, чокнувшись с ним кружками с чаем. Некоторое время мы посидели кружком вокруг дастархана. Потом кто-то предложил сыграть в футбол. Идея всем понравилась, мы поделились на две команды по пять человек, и игра началась. Поначалу все бегали быстро, как и подобает в этой игре, но вскоре почти встали – запыхались, не хватало дыхания. На той высоте почти в три километра воздух разреженный и кислорода в нём мало. Я тоже вымотался быстро, хотя в маршрутах мог долго подниматься в гору, но – медленно, размеренным шагом, без остановок. А вот бегать больше двух – трёх минут не смог – задыхался. И у других парней было то же самое. Играли всего минут пятнадцать, часто останавливаясь и хватая ртом воздух. Не доиграв и половины тайма, мы прекратили это издевательство над своими организмами….

Ещё один день рождения помню – у Алика - Лёхи. Стояли мы тогда лагерем на левом берегу Бартанга, почти напротив большого кишлака Рошорв, за которым высился почти шеститысячник Ляпназар (выс. 5990 м). Утром Лёха неожиданно для всех нас объявил, что у его сегодня радостный день – день его рождения. Лёха - классный парень, и хотелось по дружбе сделать ему что-то приятное. Но дарить было совершенно нечего. И тут я вспомнил, что у меня в рюкзаке уже давно, более двух месяцев, лежит фляжка с грузинским коньяком, такая плоская, из нержавейки. Я хранил её всё это время на какой-нибудь важный случай. И вот такой случай настал. Я достал фляжку и выставил на походный столик, за которым мы завтракали. Эля достала свою заначку - плитку шоколада. Помню, что Рахимов

сильно удивился тому, что я так долго хранил целую фляжку коньяка. Всем досталось понемногу и коньяка, и шоколада.

Поздравили Лёху и разбрелись по маршрутам…

Глава 14. Не хлебом единым…

Голь на выдумку хитра - эта пословица была у нас в ходу, можно сказать, была руководством к действию. С питанием в нашем отряде было неважно, особенно с маршрутным – про кильку «братская могила» я уже писал. Бывали случаи, когда не то что хлеба, а и сухарей–то не было. Было это в начале сезона, когда мы работали в окрестностях кишлака Кудара. Казалось бы, проще простого – пойти в кишлак и купить лепёшек, ведь в каждом доме их пекут. Но не тут-то было – у всех памирцев большие семьи, и хозяйки пекут только на семью, излишек нет, которые можно было бы продать. Один раз нам продали несколько лепёшек, но их хватило лишь поужинать. Повара тогда у нас в отряде ещё не было, варили по очереди, после работы вечером. Потом Мурод в таких случаях, когда кончались сухари, пёк лепёшки сам, но это – потом. А в тот раз, посидев без сухарей сутки, мы заскучали…

Кто-то из очередных дежурных по кухне приготовил на ужин молочную супокашу из вермишели. Утром остатки супокаши вывалили в глубокую сковороду, чтобы разогреть на завтрак. И тут у какого-то умного человека родилась идея: «А что, если из вермишели лепёшки постряпать на сковородке, на хлопковом масле? Вермишель, по сути дела – это то же тесто, только высушенное, её надо размочить, а дальше – как с обычным тестом». Идея понравилась, решили – надо попробовать. Тут же залили водой полведра вермишели и, оставив до вечера, разошлись по маршрутам.

Вечером очередные дежурные начали выпекать лепёшки из этого вермишеле-теста. Черпали половником из ведра размоченную массу вермишели и плюхали на горячую сковородку с раскалённым хлопковым маслом. Очень здорово получалось - блино-лепёшки были прожаренными, с подрумяненной корочкой, с торчащими в разные стороны вермишелинами. Оригинально, питательно, но… возни много. Ведь на каждого едока надо было постряпать по две блино-лепёшки, а нас тогда было человек двенадцать – тринадцать. Эти блино-лепёшки из вермишели жарили ещё один раз, а потом нам подвезли хлеб и сухари.

* * *

Гораздо позже, в середине сезона, когда мы вчетвером – Вадим, Женька, вроде бы Алик или кто-то из студентов, и я были на очередной выкидушке, у нас быстро закончились сухари, видимо, мало взяли или много съели. Но у нас была мука. На наше счастье возле летовки, в которой мы временно обитали, мы нашли настоящий тандыр. Это уже было хорошо – есть мука, есть тандыр, осталось на-

печь лепёшек. Теоретически мы все знали, как это делается. Я, например, не раз наблюдал, стоя возле нонпазхоны где-нибудь в Семиганче в очереди за лепёшками, как лепёшечник их выпекает. Но практического опыта ни у кого не было.

Но, как утверждает восточная мудрость – «дорогу осилит идущий». Мы смело взялись за дело - замесили простое тесто без дрожжей или соды – мука, вода и соль, что может быть проще. На большом плоском камне, лежавшем в качестве стола недалеко от тандыра, стеклянной бутылкой, найденной в летовке, раскатали куски теста в круги-лепёхи. Но предварительно, конечно, разожгли в тандыре большой костёр.

Когда он прогорел, и на дне тандыра пылали жаром угли, началось самое интересное. Я надел на правую руку верхонку, положил на неё лепёху теста и, склонившись на одно колено над пылающим жаром тандыром, прилепил лепёху к стенке тандыра. Готово! Беру с камня-стола вторую лепёху и, нагнувшись над тандыром, вижу, что первая лепёха отлепилась от стенки и валяется на углях. Подумал: «Наверное, слабо прилепил, вот она и упала». Вторую лепёху теста с силой впечатал в стенку тандыра и немного придержал. Смотрю – висит. «Хорошо, - думаю, - держится!» Пока брал третью лепёху, вторая тоже отлепилась и на моих глазах упала на пылающие угли. Но это меня не остановило. Третью лепёху я опять сильно пришлёпнул к стенке и долго держал, пока рука в верхонке выдерживала нестерпимый жар от углей. Третья лепёха провисела дольше других на полминуты, но потом как бы нехотя отлепилась и тоже свалилась вниз, на угли, где уже обуглились первые две. Я недоумевал – что же ещё надо этим лепёхам?! Не держать же их палками! Никто из друзей ничего толком подсказать не мог – все, как и я, были неопытными в этом искусстве выпечки лепёшек.

Про Божественную Троицу я, тогда ещё комсомолец и невежда, конечно, не знал, так же, как и о магии чисел, и о духах природы, и о многом ещё таинственном, загадочном и непостижимом…. А ведь стоит задуматься, почему именно три лепёхи теста упали на дно тандыра? Я думаю, местные духи гор взяли с нас небольшую дань…

Но вот Вадим подал мне четвёртую лепёху теста. Я её тоже сильно прилепил и долго поддерживал рукой в верхонке. Потом отнял руку и смотрю – упадёт или не упадёт? Четвёртая не упала! Она продолжала висеть, и тесто начало подрумяниваться. Процесс пошёл! Видимо, духи смилостивились…

Но мне всё ещё не понятно было, почему первые три упали, а четвёртая держится? Спрашиваю у Вадима: «Почему она не упала?» Тот отвечает: «Не знаю, может потому, что лежала на сыром месте на камне, там, где мы пролили воду, когда замешивали тесто». Эврика! Вот, оказывается, чего не хватало первым трём лепёхам – воды на их поверхности. Ну, это дело поправимое - остальные лепёхи парни стали обильно сбрызгивать водой с одной стороны, и этой же стороной я прилеплял их к стенкам тандыра. И ни одна не отвалилась раньше времени, все выпеклись! Потом я их снимал со стенок легко, только прикоснувшись к ним заострённой палочкой. А некоторые держались крепко, видимо на них

парни больше воды набрызгали, или стенка тандыра в этом месте была прогрета сильнее. Так я научился выпекать лепёшки в тандыре….

Глава 15. Свитер из верблюжьей шерсти

Помню встречу с диким верблюдом. Это случилось на подходе к началу маршрута, в долине небольшой речки. Нас было четверо, а верблюд один, но очень большой, просто огромный. Увидели мы его издалека и подошли поближе, чтобы рассмотреть получше. Верблюд, завидев нас, начал выражать недовольство - копытил каменистую почву и раскрывал пасть, показывая большие зубы. Зрелище было не для слабонервных. На наше счастье, между нами и верблюдом протекала небольшая речка. Кто-то из знатоков диких верблюдов, то ли Вадим, то ли Женька, предупредил, что близко к зверюге подходить не стоит, он может легко перескочить через мелкую речку и тогда нам мало не покажется – от него не убежишь. Да и убегать-то было некуда в пустынной долине речушки.

Кто-то из парней проявил свою эрудицию по поводу диких верблюдов, что, мол, они остались в горах Памира после того, как здесь побывал Александр Македонский со своей армией, и за многие столетия после этого верблюды одичали. Кто-то другой добавил, показав рукой на верблюда: «Этот, наверное, далёкий потомок того верблюда, на котором ездил сам Македонский, смотри, какой он высокий и сильный, как раз для великого полководца». Мы благоразумно отошли от берега речушки, за которой рыл землю копытом негодующий потомок венценосного «корабля пустыни».

Вечером в лагере мы рассказали о встрече с огромным диким верблюдом. Эля спросила: «А какой масти шерсть у него была, рыжая?». «Да, рыжая» - отвечаем. «Надо было начесать с него шерсти, я давно мечтаю связать себе свитер из верблюжьей шерсти рыжего цвета – и тепло, и красиво!» Ну, что тут скажешь…

Тарасов А.В.,
пос. Канифольный,
сентябрь 2016 г.
Фото Тарасова А.В. и Логачёва В.В.
На обложке – картина Логачёва В.В.

Книги Тарасова А.В.

1. Книга для взрослых

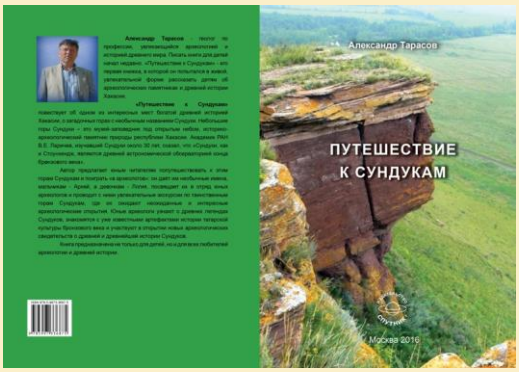
«Лики Элементалов» - книга-фотоальбом.

Почему человек может бесконечно долго смотреть на горящий огонь, на текущую воду, в бездонное синее небо, любоваться красивыми кристаллами и горными пейзажами? Только ли потому, что его в этих стихиях Матушки-Природы привлекает их красота, неповторимость, динамика и мощь?

Из оккультных наук и от средневековых алхимиков известно, что четыре стихии, создающие наш мир - земля, вода, воздух и огонь – населены живыми существами Тонкого мира, простейшими духами природы, элементалами этих стихий – гномами, ундинами, сильфами и саламандрами. Как же выглядят эти существа? Видел ли их самих кто-либо из людей или их образы, хорошо знакомые нам из старинных сказок и легенд, являются плодами фантазий писателей-сказочников?

В этой книге-фотоальбоме автором собраны многие десятки фотографий удивительных образов, ликов элементалов, которые они оставляют в объектах природы – скалах, камнях, на поверхности воды, в снежных фигурах и ледяных узорах, в языках пламени и в формах облаков. Фотографии из личной коллекции автора, его друзей и других фотографов. В книге 170 фотографий на 147 стр. формата А4.

2. Книжки для детей



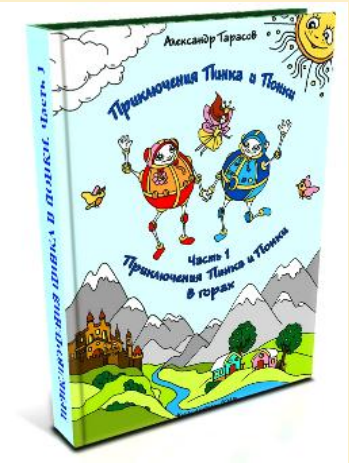
«Путешествие к Сундукам» - об интересном путешествии в удивительную страну Хакасию на юге Сибири, к загадочным, богатым древней историей горам с необычным названием Сундуки, которые находятся в живописной местности на границе гор Кузнецкого Алатау и Минусинской котловины.

Когда юный читатель вместе с автором и главными героями книжки, мальчиком Археем и девочкой Логией, отправляется в далёкое путешествие, он и не предполагает, какие неожиданные и интересные открытия ожидают его в таинственных горах Сундуках. Вместе с Археем и Логией он может поиграть «в археологов»: пройти посвящение в отряд юных археологов, поучаствовать в увлекательной экскурсии по невысоким живописным горам Сундукам, которые, по мнению академика СО РАН В. Е. Ларичева, ***«как и Стоунхендж, являются древней астрономической обсерваторией конца бронзового века»,*** полюбоваться загадочным Храмом времени, наскальными рисунками и «домиками для духов», погулять по каменным плитам древних дорог мимо гигантских стен древней крепости, посидеть в мифическом «Кресле шамана», залезть на плечо «Царя великанов» и многое, многое другое. А вечером у костра послушать легенды о былинном богатыре Хохо-Бабае и его Сундуке сокровищ, о вращающейся красной луне и древних людях, которые делали дома и крепости в природных скалах. А ещё посмотреть много интересных фотографий, на которых всё это показано.

Книжка ориентирована на детей младшего и среднего школьного возраста, но может быть интересна и более старшим читателям, интересующимся древней историей и археологией юга Сибири. Книжка богато иллюстрирована фотографиями, в ней 38 илл. на 51 стр. формата А5.

В феврале 2016 г. ***книжка «Путешествие к Сундукам» вышла в свет в издательстве ООО «Спутник+»*** (г. Москва, ISBN 978-5-9973-3687-5).

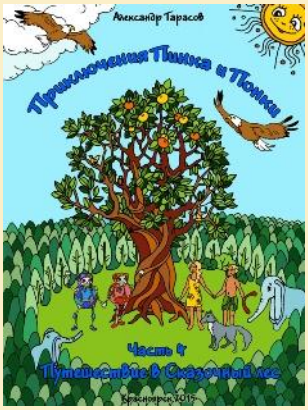
«Приключения Пинка и Понки» - серия книжек в стиле фэнтези, иллюстрированные. В них повествуется о приключениях лёгких человечков, смелых и любопытных пузырьков Пинка и Понки, брата и сестры, любящих скакать, прыгать, кувыркаться через голову и даже перелётывать по воздуху. Пинк и Понка живут в сказочной Стране пузырьков и очень любят путешествовать по ней на своих воздушных шариках.



В первой книжке серии «Приключения Пинка и Понки в горах» они попадают в Скалистые горы, где встречаются в райском саду с волшебной Феей-королевой. Потом они находят в горах древний город великанов, а в нём, в огромной пирамиде – сокровища великанских царей, клад драгоценностей, великанские мумии и много других необычных вещей. Потом в узком, глубоком ущелье пузырьки неожиданно встречаются со страшным Биг-Пузом, но благодаря своей ловкости и смелости, а также помощи Феи-королевы, их ангела-хранителя, спасаются от него и благополучно возвращаются домой. В книжке 60 страниц формата А4, 19 иллюстраций.

Во второй книжке «Пузырьки в Подземном царстве» Пинк и Понка попадают в загадочное Подземное царство, и, путешествуя по нему, сначала помогают Фее-королеве расколдовать несчастных мышелётов, заколдованных злой колдуньей. Потом любопытные пузырьки неожиданно встречаются со Змеёй-королевой и её треглавыми подданными. Затем они знакомятся с милыми гномиками и загадочными огнешками, которые катают их на своей землеройной машине, раскрывают им тайны Подземного царства и знакомят с его необычными обитателями. Все приключения пузырьков чудесным образом благополучно завершаются. В книжке 30 страниц формата А4, 10 иллюстраций.

В третьей книжке «Пузырьки в Змейгорыновом царстве» отважных пузырьков Пинка, Понку и их друга Пончика сильной ветродуйкой уносит за высокие Скалистые горы, в далёкое Змейгорыново царство. Там отважные путешественники знакомятся с настоящим змейгорынычем, который не только не обижает маленьких пузырьков, но даже катает их на себе по всему царству. Сначала змейгорыныч показывает им столицу царства Солнцеград, потом катает по воздушным горкам над озером, затем спасает от злых чернодрагов и отвозит их к пещере, в которой спрятаны древние сокровища. Все приключения пузырьков чудесным образом благополучно завершаются. В книжке 20 страниц формата А4, 11 иллюстраций.



В четвёртой книжке «Путешествие в Сказочный лес» смелые и любопытные Пинк и Понка попадают в Сказочный вековечный лес, где встречаются с загадочными мурами, которые катают их по всему лесу на своём друге-волкозубе. Поднимаясь по гигантскому Мать-дереву, пузырьки сначала знакомятся с малышами-мурашами, а также животными, птицами и таинственными эльфами, живущими на дереве-великане, потом становятся зрителями захватывающего воздушного состязания муров на мощных орланах. Затем, поднявшись на самую вершину гигантского дерева, Пинк и Понка с помощью чудесных «плодов знаний» общаются с жителями всего Сказочного леса, и вместе со своими новыми друзьями выручают из беды маленькую козочку. Потом могучие орланы отвозят отважных путешественников домой. В книжке 65 страниц формата А4, 15 иллюстраций.

Все книжки серии «Приключения Пинка и Понки» богато иллюстрированы цветными рисунками талантливой художницы Надежды Курбатовой.

Все эти книжки для детей в цифровом виде в разных форматах, удобных для чтения на различных электронных устройствах, можно купить совсем недорого на авторской страничке на сайте Руссолита http://russolit.ru/profile/Алекс12 , либо непосредственно у автора (со скидкой), сделав заказ на почту ava-tar@yandex.ru или в Одноклассниках www.ok.ru/aleksandr.tarasov.59

Изданную книжку «Путешествие к Сундукам» можно купить и в бумажном виде.

На этом серия книжек «Приключения Пинка и Понки» не заканчивается, уже написаны пятая книжка «В глубинах Синего моря», шестая книжка «Новогодняя сказка» и седьмая книжка «Путешествие в жаркую Афри», но они пока ещё не иллюстрированы. Работа над серией продолжается.

Тарасов А.В.
21 ноября 2016 г.